Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 238 (6124). | 29 августа 1934 г., среда. | ЦЕНА 10 КОП.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Чего мы ждем от советской драматургии.

Бывает, что какой-нибудь небольшой факт освещает, как ракета, огромную область общественной жизни и даже целую эпоху. Недавно в газетах промелькнуло сообщение, что один из лучших театров Германии, известный всеми миру, продается с молотка. Разве нужны более красноречивые показатели состояния театральной культуры в фашистской Германии? Но и в других капиталистических странах не лучше. Вот что сообщает писатель Б. Лавренев в своей речи на сезде: «Я был в этом году на Западе. Я видел западный театр и кино. Когда я ехал туда, признаюсь, я не был слишком убежден нашими разговорами о низком уровне этого искусства на Западе. Мне казалось, что в нашем отрицании его кроется некоторая доля «головокружения от успехов», и я с жадностью бросился в театральную жизнь, от старых, с мировым именем классических театров до ночных кафе, **и убедился собственным зрением, что театры Запада переживают смертельную катастрофу».**

Может быть, ни в одной области культуры так ярко не сказывается разница между капиталистическими странами и СССР, как в области театра. Нам нет даже надобности делать сравнения. Они очевидны каждому. Пролетарская революция не только сумела сохранить богатейшее наследство театральной культуры, стоявшей на довольно высоком уровне в старой России, но и поднять театр на огромную высоту. Тот факт, что в СССР в два раза больше профессиональных театров, чем было до революции, еще недостаточно показателен, потому что спектаклей в театрах ставится теперь несравненно больше. Может быть, красноречивее другой показатель: у нас теперь 27.500 творческих работников театра всех национальностей и 26.000 учащихся в театральных учебных заведениях, а в старой России в 1913 году было всего 8 тыс. актеров. Но и это еще не все, потому что в этих цифрах не отражается расцвет самодеятельного театра: многочисленные клубы, драмкружки и проч.

Можно без преувеличения сказать, что никогда, ни в одной стране не было еще такой любви к театру, такого бережного к нему отношения, как у нас. Смешной кажется самая проблема «сборов», отсутствие зрителей и т. д. Аншлаги: «все билеты проданы» пестрят у нас гораздо чаще, чем театральные рекламы. В этом одно из выражений общего роста культурности народных масс. В театр у нас ходят не только в целях отдыха и в поисках развлечений. Не случайно различные культпоходы, организуемые заводскими организациями, обязательно начинаются с коллективных посещений театров и обсуждений просмотренных спектаклей.

Это на заводах, а посмотрите, что делается в деревне. Если в колхозный клуб приезжает какой-нибудь районный театр, то это—настоящий праздник для всех колхозников. В театре советский зритель ищет более глубокого познания окружающей его действительности, представленной в ярких и увлекательных образах. В театре он познает самого себя.

Вот почему так велика ответственность, лежащая на нашей советской драматургии. Вот почему так серьезны требования к ней и так резки укоры, которые по ее адресу раздаются.

Нельзя сказать, чтобы советская драматургия не имела успехов. Свыше 60 проц. спектаклей во всем театральном репертуаре состоит уже из пьес советских драматургов. Качество и значимость пьес выросли неизмеримо. Наиболее посещаемые и запоминающиеся спектакли в лучших театрах Москвы и провинции, наиболее обсуждаемые и любимые спектакли—советские спектакли, построенные на революционной тематике наших дней. Это факт, который никто не в силах отрицать.

И все-таки мы говорим, что драматургия наша еще отстает, что она не в полной мере отвечает тем требованиям, которые к ней пред'являются. Советская драматургия должна показать образцы художественных произведений, полных творческой мысли и революционного пафоса, не превзойденных по совершенству формы. Вот чего мы требуем от советской драматургии.

Вопросы советской драматургии являются важнейшими вопросами, поставленными на обсуждение первого с'езда писателей. Вслушайтесь в то, что говорят докладчики, вслушайтесь в речи ораторов. Два основных мотива звучат в речах и докладах. Первый: неудовлетворенность достигнутым. Большая часть всех четырех докладов, зачитанных на с'езде о драматургии, посвящена самокритике. Писатели-драматурги сами прекрасно ощущают, что еще не сказано самое полновесное слово с театральной сцены, еще не даны художественные шедевры, которых с нетерпением ждет страна ста семидесяти миллионов трудящихся людей. Резкая критика созданных уже пьес, их идейных промахов и особенно их формальных недочетов — вот что в первую очередь характерно в докладах и прениях по вопросам драматургии.

Второе, на чем сходятся все выступления,—перед советской драматургией раскрыты небывалые возможности. Замечательнейший человеческий материал, повседневный героизм борьбы и социалистического строительства, всеоб'емлющие идеи марксизма-ленинизма, ставшие могучей силой потому, что ими овладели миллионные массы, беспредельный пафос революции, небывалый расцвет театра — все дано советскому драматургу для создания пьес, достойных нашей эпохи.

Если прав один из докладчиков на с'езде по вопросам драматургии А. Толстой, что искусство — двусторонний процесс, что задача создания крупнейших художественных произведений «выполнима только при участии в творчестве обеих сторон — и живого материала, писателя и читателя, драматурга и зрителя», то нигде этот процесс не развернут в такой мере, как в Советском Союзе. «Литературное произведение существует постольку, поскольку оно воспринимается массами, находит в них живой отклик». В этом случае перед советской драматургией действительно раскрыты небывалые возможности. Где же еще, кроме Советского Союза, художник может встретить столь живой и горячий отклик у миллионов людей.

Дело, стало быть, за художником, за драматургом. И мы ждем от драматургии, чтобы возможности, предоставленные ей, она превратила в действительность.

Мы ждем этого не только от специалистов драматургов. Требование это относится ко всем писателям, и прозаикам, и поэтам. Не случайно ведь вопросы драматургии обсуждаются на с'езде всех писателей. Лучшие наши писатели должны рассматривать драматургию как свое родное дело. И если прозаику или поэту, чтобы написать хорошую пьесу, надо овладеть спецификой этого вида искусства, то это должно быть сделано.

Многие наши писатели уже показали, что пьеса, театр — не чуждая им область. Мы имеем в виду не только блестящий пример Алексея Максимовича Горького. «Бронепоезд» Вс. Иванова на сцене не хуже его повести «Бронепоезд». Над пьесами работают теперь Шолохов, Панферов. Их примеру должны последовать и другие. Нет более благодарной работы для писателя, чем работа на советский театр.

Правда, лучшим нашим писателям не приходится жаловаться на отсутствие читателя. Стотысячный тираж трехтомного романа уже не считается у нас диковиной. Есть и миллионные тиражи. Но нигде художественные образы, созданные писателем, не получают такой яркости и убедительности, как в театре. Спектакль не книга — его не закроешь на любой странице, в сторону его тоже не отложишь. Пьеса просматривается до конца, и она немедленно получает тот самый живительный для художника отклик, о котором говорилось на с'езде. Чем лучше пьеса, тем более живой и активный отклик она получает со стороны зрителя. Наши писатели должны проникнуться величайшим уважением к театральному зрителю и дать ему такую художественную продукцию, которую он вправе от них требовать.

Несомненно, мы сейчас стоим перед новым расцветом советского театра и советской драматургии. В двери театра стучатся новые миллионы зрителей колхозной деревни. Последний год был самым богатым годом в театральной жизни всех братских республик. Десятки новых отличных пьес, десятки образцовых постановок. В ближайшие годы советские писатели должны дать художественные шедевры. Об этом говорилось на с'езде, и это будет на самом деле.

О ПЛАНЕ ЗЯБЛЕВОЙ ВСПАШКИ НА 1934 ГОД.

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР **постановляет:**

1. **Утвердить план зяблевой вспашки на 1934 г. в размере 41,8 млн. га, из них:**

В совхозах — 6.110 тыс. га, в том числе: в совхозах НКСовхозов — 3.644 тыс. га, НКЗема — 800 тыс. га, НКПищепрома — 726,7 тыс. га, в **коопхозах** Центросоюза — 240 тыс. га, в ОРС'ах и прочих хозяйствах — 699,3 тыс. га,

В колхозах — 33.500 тыс. га, в том числе в колхозах, обслуживаемых МТС, — 23.615 тыс. га.

В единоличных хозяйствах — 2.175 тыс. га.

2. **Установить следующее распределение зяблевой вспашки по союзным и автономным республикам, краям и областям:**

РЕСПУБЛИКИ, КРАЯ И ОБЛАСТИ.	Всего по всем сельскохозяйственным секторам.	В том числе:							
		Колхозы.	Из них колхозы, обслуживаемые МТС.	Совхозы всех систем.	Из них:				Единоличники.
					НКСовхозов.	НКЗема	НКПищепрома.	ОРСов, коопх. и пр. хоз-в.	
Северный край	290,0	255,0	50,0	15,0	7,0	1,40	0,2	6,40	20,0
Карельская АССР	35,8	30,0	11,0	0,8	—	0,02	—	0,78	5,0
Ленинградская обл.	889,0	610,0	300,0	59,0	4,0	4,30	15,1	35,60	220,0
Западная обл.	1063,0	820,0	350,0	63,0	26,0	18,80	5,4	12,80	180,0
Московская обл.	2304,0	1795,0	700,0	334,0	25,0	40,00	73,9	195,10	175,0
Ивановская обл.	851,0	725,0	341,0	41,0	13,0	8,60	0,2	19,20	85,0
Горьковский край	1808,0	1550,0	500,0	58,0	17,0	15,20	2,1	23,70	200,0
Татарская АССР	1749,0	1550,0	850,0	99,0	50,0	28,90	2,3	17,80	100,0
Курская обл.	1434,0	1260,0	1000,0	134,0	29,0	32,90	68,0	4,10	40,0
Воронежская обл.	1902,0	1530,0	1300,0	302,0	161,0	51,90	78,4	10,70	70,0
Азово-Черноморский край	1714,0	1107,0	1060,0	594,0	430,0	69,30	36,7	58,00	13,0
Северо-Кавказский край	664,0	385,0	355,0	230,0	169,0	35,90	5,6	19,50	49,0
Крымская АССР	230,0	146,0	130,0	80,0	40,0	11,00	6,2	22,80	4,0
Челябинская обл.	1405,0	1153,0	970,0	240,0	191,0	19,40	2,4	27,20	12,0
Свердловская обл.	775,0	689,0	360,0	75,0	8,0	18,90	1,7	46,40	11,0
Обь-Иртышская обл.	115,0	101,0	25,0	2,0	—	0,04	—	1,96	12,0
Башкирская АССР	1421,0	1220,0	665,0	121,0	98,0	13,40	0,8	8,80	80,0
Средне-Волжский край	5041,0	4223,0	3000,0	741,0	569,0	105,90	15,5	50,60	77,0
Саратовский край	1878,0	1586,0	1300,0	288,0	222,0	49,60	10,0	6,40	4,0
Сталинградский край	1658,0	1430,0	1115,0	218,0	184,0	7,10	7,6	19,30	10,0
Казакская АССР	1383,0	1096,0	900,0	283,0	238,0	23,10	10,0	11,90	4,0
Кара-Калпакская АССР	20,2	18,0	15,0	0,2	—	0,01	—	0,19	2,0
Киргизская АССР	145,0	103,0	73,0	35,0	17,0	7,13	6,6	4,27	7,0
Западно-Сибирский край	2123,0	1580,0	1125,0	423,0	325,0	22,30	31,7	44,00	120,0
Восточно-Сибирский край	113,0	97,0	60,0	13,0	—	2,40	1,0	9,60	3,0
Дальне-Восточный край	281,0	235,0	200,0	41,0	20,0	8,30	4,6	8,10	5,0
Якутская АССР	36,0	22,0	10,0	3,0	3,0	—	—	—	11,0
Украинская ССР	8237,0	6474,0	5650,0	1397,0	705,0	124,20	337,0	230,80	366,0
Белорусская ССР	985,0	700,0	350,0	85,0	60,0	16,90	0,2	7,90	200,0
ЗСФСР	337,0	230,0	125,0	37,0	3,0	16,00	3,1	14,90	70,0
Узбекская ССР	679,0	590,0	575,0	79,0	25,5	37,60	0,3	15,60	10,0
Туркменск. ССР	125,0	115,0	110,0	5,0	1,0	3,10	—	0,90	5,0
Таджикская ССР	94,0	75,0	40,0	14,0	3,5	6,40	0,1	4,00	5,0
ИТОГО по СССР:	41785,0	33500,0	23615,0	6110,0	3644,0	800,0	726,7	939,3	2175,0

3. Обязать районные земельные органы, директоров и начальников Политотделов МТС и совхозов и правления колхозов организовать надлежащий контроль за качеством зяблевой вспашки (глубина вспашки, хороший оборот пласта, недопущение огрехов и т. п.).

4. Запретить зачислять в счет выполнения установленного настоящим постановлением плана зяблевой вспашки лущевку жнивья, оставленный для ярового посева пар, а также проборонованные, но не вспаханные площади из под пропашных культур.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР **В. МОЛОТОВ.**

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР **И. МИРОШНИКОВ.**

Москва, Кремль,
28 августа 1934 года.

ЛОЗУНГИ К XX МЕЖДУНАРОДНОМУ ЮНОШЕСКОМУ ДНЮ.

1. Комсомольцы и комсомолки! «Будьте достойными сынами и дочерьми нашей матери — Всесоюзной коммунистической партии» (Сталин). Да здравствует великая коммунистическая партия большевиков и ее ЦК! Под знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина — вперед к мировому Октябрю!

2. Да здравствует наш горячо любимый учитель и друг, вождь мирового пролетариата — великий Сталин!

3. Да здравствует XX Международный юношеский день — день боевой мобилизации трудящейся молодежи всего мира на борьбу против капитализма, против фашизма, за мировую пролетарскую революцию! Выше знамя Ленина—Сталина! Да здравствует Коминтерн!

4. Пламенный привет героическим коммунистам и комсомольцам Германии, Японии — всем мужественным борцам против фашизма, против поджигателей новой войны. Да здравствует советская власть во всем мире!

5. Империалисты организуют новые войны. Трудящаяся молодежь всего мира — на защиту СССР — страны социализма, отечества трудящихся всех стран! Да здравствует советская политика мира!

6. Трудящаяся молодежь всего мира! За единый фронт борьбы трудящихся против фашизма, против наступления капитала. Да здравствует Коминтерн — боевой штаб пролетарской революции!

7. Наш пламенный привет узникам капитала, доблестным бойцам мирового пролетариата. Свободу Тельману и всем пленникам фашизма!

8. Да здравствуют героическая красная армия и Советы Китая! Да здравствует мировая пролетарская революция!

9. Комсомольцы, трудящаяся молодежь! Империалисты готовят новую контрреволюционную войну против СССР. Овладевайте в совершенстве военной техникой — будьте меткими стрелками, опытными артиллеристами, бесстрашными летчиками, мужественными танкистами! Да здравствует наша родная Красная Армия, подшефные комсомолу военно-воздушный и военно-морской флоты!

10. Комсомольцы, вся трудящаяся молодежь! Учитесь мужеству и беззаветной преданности нашей великой социалистической родине у героев-летчиков Советского Союза. Молодежь — на самолеты!

11. Комсомольцы, рабочая и колхозная молодежь! За социалистическую родину, за ее благоденствие и процветание, за счастье ее граждан, за ее славу и военную мощь — отдадим все свои силы и если понадобится — жизнь.

12. Комсомольцы — молодые рабочие! Овладевайте культурой труда, боритесь за производительное и полное использование рабочего времени! Сдавайте общественно-технический экзамен на «отлично» и «хорошо». Выше знамя социалистического соревнования и ударничества!

13. Превратим железнодорожный транспорт в образцовую отрасль социалистического хозяйства. По-боевому организуем осенне-зимние перевозки! Комсомольцы, трудящаяся молодежь! Будьте в первых рядах в борьбе за здоровый паровоз и вагон, за железную трудовую дисциплину на транспорте!

14. Рабочая молодежь совхозов, молодые колхозники! За четкую работу уборочных машин, за уборку урожая без потерь, за честное выполнение в срок обязательств перед пролетарским государством. Берегите общественную собственность, как зеницу ока!

15. Молодые ударники животноводства! Создадим животноводческие фермы в каждом колхозе, добьемся высоких удоев, хорошего нагула, бережного выращивания молодняка! За расцвет социалистического животноводства!

16. Не в речах и резолюциях, а в черновой работе воспитывается и закаляется большевик. «Товарищи комсомольцы и комсомолки! Учитесь большевизму и ведите вперед колеблющихся! Болтайте поменьше, работайте побольше — и дело у вас выйдет наверняка» (Сталин).

17. Товарищи комсомольцы! Выбирайте в свои руководящие органы способных и деловых организаторов, помогайте им работать и критикуйте за дело, чтобы они работали лучше и не зазнавались!

18. Комсомольские организаторы, секретари первичных организаций! Не сидите, зарывшись в бумагу, будьте всегда с комсомольцами и молодежью, будьте их организаторами в работе, учебе, быту!

19. Укрепим дисциплину в рядах Союза! За точное и аккуратное исполнение каждым комсомольцем заданий организации! За инициативность и исполнительность! Дисциплина и организованность должны пронизать нас насквозь.

20. Марксистско-ленинская теория — острейшее оружие в борьбе пролетариата! Комсомольцы! Изучайте учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина!

21. Привет нашим советским писателям! Привет первому мастеру литературы, передовому борцу за социалистическую культуру — Алексею Максимовичу Горькому! Больше книг, рождающих ненависть к врагам социалистической родины, больше книг, отображающих радость нашей борьбы и героев нашей стройки!

22. «Легкие кавалеристы»! Ваша важнейшая заповедь—доводить начатое дело до конца! Учитесь контролировать, овладевайте техникой бухгалтерской отчетности и торговли!

23. Политически сознательных и активных, преданных делу партии, проверенных в борьбе молодых рабочих и колхозников — в ряды ВЛКСМ!

24. Комсомольцы! Наведем порядок в общежитиях, жактах, больницах! Приведем в культурный, благоустроенный вид поселки и села! Организуем здоровый досуг молодежи на спортплощадках, водных станциях, в парках, садах, клубах!

25. «Поход революционной молодежи в науку—вот что нам нужно теперь, товарищи» (Сталин). Комсомольцы, трудящаяся молодежь! Двинемся в этот поход, возьмемся за изучение математики, физики, химии, истории, литературы, географии, иностранных языков.

26. Да здравствует славное поколение Октября — юные пионеры, достойная смена ленинского комсомола!

27. Юные пионеры! Укрепляйте сознательную дисциплину, овладевайте основами наук! Будьте готовы продолжать великое дело Ленина—Сталина!

28. Товарищи комсомольцы и комсомолки! Теснее сплотимся вокруг великой партии Ленина—Сталина! Ленинскому комсомолу—славные завоевания Октября, героические традиции большевизма! Да здравствует ленинизм!

ЦК ВЛКСМ.

Кто заинтересован в срыве нормальной работы КВЖД.

ВЛАДИВОСТОК, 13 августа. (Доставлена почтой Роста). Кампания по экспорту бобов прошлогоднего урожая из Манчжурии в разгаре. Сейчас в Харбинский узел поступают бобы из низовьев **Сунгари.** Всего в летний сезон ожидается этих грузов до **400 тыс.** тонн.

В связи с невыгодной кон'юнктурой на бобы на мировых рынках, понижающей рентабельность их вывоза, выход бобов в этом году существенно сократился. Производители отдаленных от жел. дорог пунктов вынуждены употреблять бобы и жмыхи в качестве топлива. В связи с этим усилилась конкуренция между жел. дорогами по привлечению грузов. Значительная часть грузов имеет естественное тяготение в направлении по КВЖД: восточному —на Владивосток и южному — на Дайрен. Однако японские власти и фирмы принимают крайние меры, стремясь преодолеть коммерческую выгодность перевозок по КВЖД и перетянуть все грузы на **Сыпингайскую** и открытую только в этом году новую **Лафа-Харбинскую** (Лабинскую) жел.» дорогу, конкурирующую с южной веткой КВЖД.

Несмотря на то, что Лабинская жел. дорога по своему состоянию еще далеко не подготовлена к нормальной работе (пропускная способность ее незначительна, она еще не может принимать нормальной ответственности за перевозку грузов), японские власти стремятся рядом мероприятий создать для нее исключительные условия. Дорога уже сейчас выплачивает грузоотправителям чрезвычайно высокие рефакции, доходящие до 4 иен с одной тонны, и намечает, кроме того, провести снижение тарифов до 20 проц. Пользующаяся монопольными правами японская транспортная компания **«Кокусай-Унью»** в Дайрене предоставляет суда для дальнейшей отправки лишь тех грузов, которые пришли по Лабинской жел. дороге. Пароходные компании на Сунгари отказывают в приеме грузов, если они не направляются на Лабинскую жел. дорогу.

Японские фирмы стремятся связать свободу действий иностранных экспортеров, заставляя последних покупать бобы исключительно на условиях фоб Дайрен, куда к тому же перенесены из Харбина все фабрики по переработке бобов. Сейчас устанавливается прямое сообщение от пристаней реки Сунгари до Дайрена через Лабинскую ж. д. по льготным аккордным ставкам.

Наряду с этим власти прибегают также к методам прямого административного воздействия и угроз, понуждая японские, манчжурские и даже иностранные фирмы везти грузы только по Лабинской ж. дор., а не по **КВЖД.** В качестве примера можно указать на коммерчески бессмысленную перевозку грузов манчжурскими фирмами со складов 8-го участка КВЖД (ст. Харбин) **гужом** на Лабинскую жел. дор. Недавно во время наводнения в районе Лабинской дороги и невозможности в связи с этим перевозок по ней **харбинские газеты прямо указывали, что японские фирмы терпят убытки, так как им запрещено возить грузы по КВЖД.**

В то же время создаются всяческие препятствия для нормальной работы восточной линии КВЖД. Не ограничиваясь запрещением прямого сообщения через ст. **Пограничная,** японские власти установили совершенно необычное ограничение времени перегрузки, прихода и ухода поездов— 8—9 часами в сутки (от 7 до 4 часов), количества перегруженных вагонов в сутки — 50-ю и количества грузчиков — 60-ю. Недавно установленные правила запрещения дорогам приемки грузов, не снабженных сертификатами об оплате налогов, практически также используются для осложнения работы КВЖД. Получение этих сертификатов в пошлинных бюро, в случае нежелания отправить грузы по КВЖД, обставлено длительной и сложной волокитой.

НОВЫЕ «ДОКАЗАТЕЛЬСТВА» СОВЕТСКОГО ЗАГОВОРА НА КВЖД.

ХАБАРОВСК, 26 августа. (Роста). Из **Харбина** поступают дальнейшие сообщения об избиениях и пытках, которым подвергаются советские служащие на КВЖД с целью вынудить у них «признание», будто они организовывали покушения на поезда, станции и т. п.

Харбинская газета **«Ници-ници»** от 23 августа, сама того не подозревая, проливает свет на то, какие документы фабрикуются изобретательными полицейскими и жандармами в Харбине для доказательства «советского заговора» на КВЖД. Названная газета пишет, что «в результате обысков у некоторых советских служащих найдены документы и квитанции в получении денег за крушение поездов на Восточной линии».

Газета утверждает даже, что «найдена справка, что за каждый вагон, попавший в крушение, будет уплачена определенная сумма: за крушение особых вагонов — особое вознаграждение». При этом газета уверяет, что справка подписана «советскими вертами» и «хунхузами».

Это сообщение японской газеты показывает, до каких пределов нелепости и грубо-примитивного вымысла доходят организаторы и исполнители антисоветской кампании. Газета «Ници-ници», очевидно, не очень высокого мнения об умственном уровне своих читателей.

Сообщение ТАСС.

Японское агентство **«Дзимо цусин»** распространяет сообщение о том, что советское правительство отзывает весь руководящий состав КВЖД. По полученным ТАСС в компетентных кругах сведениям, это сообщение является очередным вымыслом этого агентства.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕЧАТЬ О НОВЫХ АРЕСТАХ СОВЕТСКИХ СЛУЖАЩИХ КВЖД.

ПАРИЖ, 28 августа. (ТАСС). Вся печать сообщает о новых арестах и избиениях советских служащих КВЖД.

«Котидьен» в статье, воспроизводящей историю советско-манчжурских переговоров, пишет: «Совершенно очевидно, что Москва пошла гораздо дальше в своих уступках, нежели Токио». Японцы же, указывает «Котидьен», отнюдь не спешат купить дорогу, которую они уже рассматривают, как фактически принадлежащую им настолько, что уже не платят за перевозку своих войск по КВЖД. Газета подчеркивает нелепость выдвинутых против советских служащих обвинений в организации крушений на КВЖД, жертвами которых, главным образом, являются именно советские служащие.

«Создается такое впечатление,—заканчивает «Котидьен»,—что Япония хочет получить дорогу, не уплатив ни гроша, и разыгрывает комедию покупки дороги, чтобы иметь юридический предлог, без которого, впрочем, в случае надобности, она может обойтись».

Даже враждебная Советскому Союзу **«Жур»** вынуждена признать провокационный характер японо-манчжурской политики. «Москва, — пишет газета, — совершенно справедливо указывает на то, что японцы под прикрытием Манчжоу-Го хотят завладеть дорогой задаром»... «Манчжоу-Го, — добавляет «Жур», — шантажирует Москву, предлагая нелепую цену».

НИКОГО НЕ ОБМАНУТ.

ЖЕНЕВА, 28 августа. **(Соб. инф. «Правды»).** Женевская газета **«Травай»** пишет с возмущением об антисоветской клеветнической кампании, исходящей из японских источников.

«Эти истории о заговорах и пограничных инцидентах, — заявляет газета, — **никого за границей больше не обманут,** за исключением тех, которые желают быть обманутыми... Перерыв переговоров в Токио следует рассматривать как **маневр, предпринятый с целью запугивания».**

Газета подчеркивает опасность антисоветских провокационных выступлений со стороны Японии и, в частности, указывает на авантюристскую деятельность русских белогвардейцев в Манчжурии.

СОВЕТСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ.

Доклад тов. В. Кирпотина на всесоюзном с'езде писателей

Товарищи, не так давно, еще года два назад, среди некоторых деятелей искусства, в том числе и среди драматургов, было распространено убеждение, что диктатура пролетариата создает условия, не благоприятные для развития искусства. Эти люди признавали историческую правду пролетарской революции, но в то же время они полагали, что материальная обеспеченность масс покупается довольно дорогой ценой — ценой ограничения некоторых высших потребностей человека, ценой умерщвления искусства.

Это был пережиток довольно старого мнения.

Практика пролетарской революции очень скоро показала, что рабочий класс относится весьма бережно к культурным ценностям и к искусству в том числе. Это некоторые радикальные интеллигенты, а не рабочие, пытались сбросить **Пушкина** с корабля современности, это некоторые радикальные интеллигенты пытались превратить Офелию в пьяную девку, это они выступили с проповедью, что заметка рабкора таит в себе больше эстетической ценности, чем классические произведения прошлого.

Выяснилось, что рабочий класс относится к искусству более серьезно, чем некоторые радикальные интеллигенты. Рабочий класс не только сохраняет и критически использует культурное наследие прошлого, но он умеет строить новое и в области искусства, в области драматургии.

ТЕАТР НОВОЙ ЭПОХИ

В Советском Союзе создана уже, при всех ее слабостях, на которые вовсе не следует закрывать глаза, драматургия, новая по своему социально-историческому типу. Мы стоим в начале новой ступени в историческом развитии этого искусства.

Я хочу напомнить вам те черты, которые превращают наше искусство в начальную стадию развития нового искусства по сравнению со всем тем, что мы знаем из прошлой истории человечества.

Наша драматургия нова прежде всего по своей тематике. Ее тематика — тематика социальная, исходящая из единства человека и класса, человека и коллектива, в противоположность индивидуалистической тематике буржуазной драматургии.

Наша драматургия необычайно высока по своему идейному уровню. Ее мировоззрение — это мировоззрение рабочего класса, ее идеи — социалистические идеи.

Наше искусство, в том числе наша драматургия, создается на основе союза с наукой. **Энгельс** писал когда-то: «Полное слияние большой идейной глубины — сознательного исторического содержания... с шекспировской живостью и богатством действия—будет вероятно достигнуто лишь в будущем и, может быть, даже вовсе не немцами. Правда, именно в этом слиянии я вижу будущее драмы». Наша драматургия начала осуществлять, пусть сегодня далеко еще в недостаточном совершенстве, это будущее.

Социалистический реализм нашей драматургии утверждает в сознании людей новый, социалистический строй, укрепляет, цементирует его в противоположность реализму буржуазии, умевшему только критиковать окружавшие его общественные порядки.

Наша драматургия, в противоположность пессимистической драматургии заката капитализма, носит оптимистический характер.

Наша драматургия насыщена активностью, действием в противоположность тенденции к неподвижному театру, — тенденции, наметившейся в буржуазной драматургии кануна войны и революции.

Драматургия всех народов Советского Союза об'единена интернациональной братской связью. Мы создаем искусство национальное по форме, социалистическое по содержанию. Мы создаем всесоюзную драматургию.

Во всех наших братских республиках созданы замечательные пьесы. Зрителю Москвы и Ленинграда хорошо известны пьесы **Микитенко, Первомайского, Кобеца** и т. д. Только предрассудками руководителей наших театров можно об'яснить то, что они не используют для своего репертуара в достаточном количестве пьесы грузинских, армянских, белорусских, татарских, узбекских и других авторов.

Такие пьесы, как «Кваркваре Тутагери» **Канабадзе**, «Храбрый Назар» **Демирчана**, «4 дня» **Даниеля**, «Сад» **Дзахо Гатуева**, «Батьковщина» **Черного** и много других вполне достойны, чтобы их поставить на сценах лучших театров СССР.

Наша драма, как и вообще вся наша литература, проникнута социалистической тенденциозностью, как об этом говорил тов. **Жданов** с трибуны с'езда. Она свои художественные задачи разрешает в связи и на основе социалистического воспитания и перевоспитания людей. Все эти качества являются в то же время теми положительными чертами советской драматургии, которые обеспечивают ей рост и развитие.

Но мы стоим только в начале своего исторического пути в развитии искусства. Совершенно естественно поэтому, что наше искусство, драматургия в том числе, которая к тому же пока еще слабее нашей прозы, имеет весьма крупные недостатки и первые среди них — это недостатки языка, о чем так настойчиво напоминал нам **Максим Горький**.

Недостатки языка являются далеко не единственными недостатками нашей драматургии. Давно прошли уже те времена, когда некоторые товарищи полагали, что правильное мировоззрение художника автоматически влечет за собой художественное совершенство и что, наоборот, художник, не изучивший досконально марксизма, не может создать ничего прекрасного. Тем не менее необходимо сказать, что запутанность и неясность мировоззрения всегда сказывается в той или иной степени на художественном достоинстве произведений искусства. Мы должны бороться с недостатками мировоззрения советских драматургов. Следует только помнить, что путь к изживанию этих недостатков вовсе не единообразен для всех драматургов, для всех писателей.

Олеша знал, что **Маркс** писал о стоимости, но это его мало убеждало. Зато, когда он вычитал у Маркса, что неудачно влюбленный и при коммунизме будет себя чувствовать несчастливым, это поразило его, как гром среди ясного неба. Ему показалось фантастической вещью, что суровый борец и мудрец Маркс думал о живом человеке, о его счастье, о его живой и оригинальной личности. Именно при помощи этой мысли Олеша понял ошибочность многих из своих положений, выраженных в старых его пьесах.

НЕДОСТАТКИ СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ.

Чрезвычайно распространенным недостатком нашей драматургии является малообразная публицистичность, выраженная в прямолинейных схемах. Примером этих недостатков может служить дидактизм пьесы **Ромашова** «Бойцы» и пьес многих других авторов — **Киршона, Погодина, Билль-Белоцерковского, Микитенко, Вишневского** и т. д.

Во многих советских пьесах бросается в глаза пренебрежительное отношение к сюжету, отсутствие того логического, железного хода действия, от которого так часто зависит увлекательная сила искусства.

Следует еще указать на неумение строить драматургический конфликт. Вместе с новым содержанием видоизменяется и форма драматургического конфликта. Но процессы изменения формы драматургического конфликта не отменяют закона, согласно которому без тщательной разработки драматического конфликта нельзя убедительно раскрыть смысл пьесы.

Я хочу еще указать на композиционную рыхлость многих наших пьес.

Недостатки нашей советской драматургии еще весьма и весьма значительны. Подлинная опасность заключалась бы однако не в наличии недостатков, а в их игнорировании. У нас есть мужество самокритики. Это значит, что у нас есть воля и способность к исправлению этих недостатков. — Наша самокритика есть только борьба за скорейшее достижение на этом пути великих результатов. Условия же для развития советской драматургии превосходны.

Специфической основой драматического произведения является действие. Не случайно А. М. Горький начинает свою статью о пьесах с напоминания простой истины, гласящей, что в основании общественной жизни человека лежит дело. А отсюда вытекает, что чем деятельней жизнь, чем активней отношение класса к действительности, чем энергичней он выступает как преобразователь жизни, творец новых форм, покоритель природы, тем больше предпосылок для роста и развития драматургии.

Накануне войны и революции среди идеологов буржуазии был довольно широко распространен тип людей, настроенных в известной мере критически к грязной практике капитализма, но не имевших в то же время никакой охоты перейти на сторону эксплоатируемых для борьбы с миром, неприглядность которого они отчасти увидели. Эти люди предпочитали созерцание делу. Приверженность к идеалистическому созерцанию, естественно, была у этих людей приверженностью к застою, к сохранению тех же самых условий существования и людских взаимоотношений, от которых они будто бы отворачивались. В области театра и драматургии такая идеология вела к борьбе с действием — к пропаганде бездейственности и неподвижности.

Метерлинк мечтал о неподвижном театре. «Не знаю, правда ли, что неподвижный театр не возможен», — размышлял он в «Сокровище смиренных». Театр действия, столкновений, страстей Метерлинк отрицал, как пережиток грубых, варварских времен. Достойным для театра он считал изображение «души» человека в бездеятельном комнатном положении. «Действие, — полагает Метерлинк, — только мешает обнаруживанию души, и не только действие, но даже слово. В чем обнаруживается истинный смысл жизни — в шуме или в молчании?» — спрашивал он.

На той же точке зрения стоял и **Леонид Андреев**. И он отрицал для театра необходимость действия, поступков, движения.

— Нужно ли театру, — писал он, — действие в его узаконенной форме поступков и движения на сцене — форме, не только принятой всеми театрами, но и исповедуемой, как единственно необходимая и спасительная?

На этот теоретический вопрос я позволю себе ответить: нет. В таком действии нет необходимости постольку, поскольку сама жизнь в ее наиболее драматических и трагических коллизиях все дальше отходит от внешнего действа, все больше уходит в глубину души, в тишину и внешнюю неподвижность интеллектуальных переживаний.

На основе теории «бездейственного» театра буржуазный критик **Ю. Айхенвальд** предсказывал «конец театра», а режиссеры **Крэг** и **Мейерхольд** искали путей для создания «неподвижного театра».

Но «неподвижный театр» не может существовать, неподвижный театр — абсурдно противоречивое выражение. Широкое распространение подобных взглядов в предвоенном искусстве свидетельствовало о том, что театр и драматургия клонились к упадку.

Даже тогда, когда театр буржуазного заката стремился сохранить действие, как основу своего искусства, он защищал только видимость действия, только внешнюю занимательность на сцене. Интерес к комедии **Шекспира, Мольера и Гольдони**, интерес к **Гофману** («Принцесса Брамбилла»), к комедии dell'arte и к буффонаде был вызван стремлением в мельканий сцен, положений, красок, костюмов создать самодовлеющую театральную забаву, уводящую от жизни, а вовсе не стремлением к раскрытию классового содержания, заключенного в действии пьесы.

Мы — работники другого класса и другой исторической эпохи. Эпоха пролетарской революции — эпоха напряженно-деятельная, диалектически - изменчивая. Работа, борьба, строительство — это прежде всего действия. Вступление в социализм есть, по выражению **Энгельса**, прыжок из царства необходимости в царство свободы. Понятие свободы включает в себя понятие подвижности, изменения, действия по целесообразному плану. Создание новой техники, новых производств, новых городов, новой агрикультуры — это дела, события, связанные постоянно с прогрессом уровня жизни, с переделкой ее бытовых форм.

Борьба человека с природой не имеет предела. Фронт борьбы за подчинение сил стихий будет расширяться все неизмеримей: подвиги завоевателей стратосферы, завоевателей Арктики, летчиков — спасителей челюскинцев, — это начало, прообраз великих и героических дел за подчинение человеку недр, поверхности земли и надатмосферных пространств. Тип человека пролетарской революции и социалистического общества — это тип деятеля, строителя, борца. Этот деятель и строитель требует непрерывного роста и драматургии и театра, искусств, наиболее способных воплотить и осмыслить дело, действие.

Борьба с недостатками, определение нового качества нашей драматургии предполагают борьбу за стиль, за форму, наилучшим образом выражающую новое содержание.

Социалистический реализм предоставляет писателю свободу выбора творческого пути. Поспешное, преждевременное декретирование здесь было бы опасно, как было бы вредно назойливое навязывание писателям произвольных доктринерских положений, как вредна была бы канонизация творческого пути отдельных драматургов. Однако некоторые процессы и по этой линии можно уже сегодня определить на основе реального анализа многих произведений.

Я ставлю в своем докладе на дискуссию ряд положений, доказывающих, что произвольная, рационалистическая отвлеченная форма, сегодня повторяющая творческую практику (в свое время исторически оправданную) **Маяковского** в драме и Мейерхольда в театре, не может дать в дальнейшем значительных результатов в советском искусстве. Последовательное проведение в жизнь формальных принципов условного и отвлеченно-рационалистического театра таит в себе смертельную опасность и для драматургии и для театра.

Косность в отношении формы, непонимание того, что превращение реализма в социалистический реализм изменяет вместе с тем и формы искусства, некритическое следование канонам Островского и Чехова обедняет и тормозит развитие нашего искусства.

Старый реализм вырастал в иной социальной практике, на базе иного мировоззрения. Круг личной жизни был той ареной, на которой буржуазный и мелкобуржуазный реализм, особенно дореволюционной эпохи, искал и находил, по его мнению, правдивую оценку человека. Для старого реализма важно было, как выглядит герой как человек «вообще», с точки зрения абстрактно-моральной. Неважно, что представляет собой Вершинин как полковник, важно — каков Вершинин в отношении к своей семье и трем сестрам. Так **Булгакову** в «Днях Турбиных» неважно, что его герои [illegible], что они «хорошие люди» в кругу семьи и друзей. На этом основании он выносит им оправдательный приговор. Старый реализм хотел показать и оценить деятеля в его мнимом общечеловеческом равенстве, поэтому он отвлекался от его социальной практики и показывал его, — по удачному выражению **Белинского**, — в частном кабинете и спальне.

Мы не можем ни показывать, ни оценивать так людей пролетарской революции. Для нас и в искусстве общественная практика характеризует человека во всяком случае не менее, чем его приватное поведение. В советских условиях военный подвиг, строительство завода, арктический поход, героическое летное дело — это не «служба», после которой только начинается «настоящая жизнь» и раскрывается по-настоящему характер человека. В классовой борьбе рабочего класса, в социалистическом обществе общественное служение и творческая работа — все это свободное проявление самой личности человека. Нам нужны формы искусства, показывающие масштабы и значение дел, совершаемых человеком, показывающие, каков он в деле и в так называемой личной жизни. Поэтому-то приемы, приспособленные для бытового и психологического реализма, оказываются недостаточными для социалистического реализма.

Маркс и Энгельс в одной из своих рецензий, посвященной двум книгам о деятелях революции 1848 года, дают указание, как они себе представляют обрисовку характеров, выявление образов людей революции.

Восставая против ходульной антиреалистической староромантической идеализации людей революции, даже мелкобуржуазной, Маркс и Энгельс в то же время подчеркивают, что отказ от изображения их непосредственно политической деятельности, попытка найти характер человека революции в изолированном содержании его частной жизни не могут привести к искомому результату. В искусстве пролетарской революции, в искусстве социалистическом изменяется трактовка образа по сравнению с традиционным дореволюционным искусством. Образ и характер приветствовавшей нас колхозницы т. **Смирновой** нельзя даже и приблизительно выразить, отвлекаясь от ее социально-политической практики.

Теперь, товарищи, несколько замечаний **о жанрах**. Некоторые товарищи, неспособные определить видоизменение жанров в нашей драматургии, пытались просто отрицать право на существование ряда установившихся жанров. Известно, что в нашем общественном мнении существовал не очень резко выявленный, но несомненно род аристократического презрительного отношения к комедии, как к низкому и недостойному пролетарской революции жанру. Если быть последовательным, то отрицательное отношение к сатире, о чем говорил уже здесь тов. **Кольцов**, неизбежно влечет за собой умаление прав комедии. Теория, отрицающая возможность развития сатиры и комедии в советских условиях, неправильная.

Сатира и комедия — художественное орудие, при помощи которого может и должна вестись борьба с классовыми врагами пролетариата и с недостатками нашей собственной работы в нашей собственной среде. Задача советской комедии — «убивать смехом» врагов и «исправлять смехом» недостатки в среде трудящихся. Вопрос решается наличием в советской комедии мерила, на основе которого подвергаются осмеянию отрицательные явления советской действительности. Это мерило дается положительной программой строительства социализма в нашей стране.

Точно также является ошибочным отрицание возможности советской трагедии, о чем писал, например, тов. **Нусинов**. Свое положение тов. Нусинов мотивировал указанием на то, что трагический конфликт носит неразрешимый характер, пролетарская же революция не знает неразрешимых социальных противоречий. Но из наблюдений т. Нусинова вытекает только одно, — что характер трагического конфликта в советской драматургии видоизменяется. Гибель в борьбе за победу революции, гибель в борьбе за завоевание природы — вспомните гибель отважных героев стратосферы — может служить темой трагического представления. Но это трагедия не бессилия перед препятствиями, а трагедия, возвеличивающая жертвы, необходимые для ускорения исторического развития, для достижения победы пролетарской революции.

Выбрасывание из драматургии ряда жанров обедняет драматургию, стесняет размах художественного творчества — во-первых, а во-вторых, — потакает пренебрежению формой в искусстве, которое одно время пропагандировалось очень широко в виде так называемого уничтожения театра во имя слияния искусства с жизнью.

МУЖЕСТВЕННАЯ ПРОСТОТА — ВОТ СТИЛЬ НАШЕГО ИСКУССТВА.

Преодолевая ошибки, наша драматургия, как и вообще советское искусство, переживает здоровые и крайне важные процессы. А когда есть животворящие процессы, то великие результаты придут неизбежно.

Свыше двух лет прошло с тех пор, как товарищ **Сталин** осмыслил нам путь развития советской литературы, указав на социалистический реализм, как на основной ее метод. На основе усвоения этого лозунга, вживания в него, за эти последние два года явственно обозначилась чрезвычайно важная тенденция — мы все начали понимать, что простота очень важна для искусства. Мы начали понимать то, о чем говорил с этой трибуны тов. **Шмидт**, что героическая тема может быть показана просто и величаво

Мы хотим простоты, как деятели мужественного и правдивого искусства. Простота, которой мы сегодня добиваемся в искусстве, не имеет ничего общего с искусственностью нарочитого примитива, с сюсюканием и приседанием на корточки, чтобы сравняться по разумению и мастерству с дикарем или ребенком. Такая, с позволения сказать, простота, является принадлежностью пресыщенного и загнивающего буржуазного искусства.

Не удовлетворяет нас сегодня и простота примитивной агитки в искусстве, простота схемы, обедняющей жизнь, превращающей ее могучий и разнообразный ход в однолинейный и бескрасочный чертеж. Мы ищем мужественной простоты синтеза, содержащего в себе переливы и переходы жизни, показывающего жизнь в революционном развитии. Мы пришли к простоте, во-первых, потому, что наша литература поняла, что она существует для народа, для масс трудящихся.

«Важно не наше мнение об искусстве, — говорил **Ленин** в своих беседах с **Кларой Цеткин**. — Важно также не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами: искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно об'единять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их».

Во-вторых, мы пришли к простоте потому, что литература наша поняла, что она должна быть правдивой. А правда общезначима, общедоступна, хотя достижение ее и бывает трудно, она доступна только участнику борьбы за новый мир.

В-третьих, мы пришли к простоте потому, что литература поняла, что она стала участницей создания нового мира, социалистического строя. Это серьезное отношение к искусству, эта требовательность к нему отвлекает от всякого гурманства, требует прямого пути к сердцу и разуму миллионов, т.-е. опять содержательной и мужественной простоты.

И, в-четвертых, нас обязывает к простоте социальный заказ, обращенный к литературе со стороны миллионов. Товарищи, мы видим на этом с'езде многочисленные факты внимания и любви со стороны масс по отношению к литературе и писателям. Характерен и следующий штрих. Ко времени окончания заседаний с'езда к выходу у Дома союзов собирается толпа. Она нетерпеливо ждет. Выходит Горький. Движением народной любви она бросается в его сторону, чтобы встретить его приветствиями и рукоплесканиями. Она приветствует и других писателей, опознавая авторов своих любимых произведений.

Народ нашей страны любит своих писателей, однако, не слепой любовью. Он пред'являет им требования. Когда-то буржуазия устами своих идеологов, устами своих **Дидро** и **Лессингов** требовала от своих художников, чтобы они бросили изображать королей и аристократов, чтобы они дали в искусстве ее образ, ее портреты. Сегодня рабочие и крестьяне, не нуждаясь в посредниках, миллионами уст, в печати и на собраниях говорят своим художникам: вы слишком много внимания уделяете в своих книгах, в своих театрах, образу интеллигента, человеку старого мира, который через сомнения и колебания причалил, наконец, к берегу нового мира. Спору нет, — и это важная тема для искусства. Но мы сегодня — хозяева жизни, мы — победители в классовой борьбе, нам принадлежит власть, мы творим экономику и культуру страны, мы ее знатные люди, мы — самое важное, самое интересное, что в ней есть, мы — деятели освобождения всего человечества, мы хотим видеть себя в искусстве, в пьесах, на сцене, образы наших мужчин, наших женщин, наших детей.

Эти люди, которые обращают свои требования к искусству, не имеют в себе ничего изломанного, ничего неестественно-изысканного. Они требуют для изображения себя и своей жизни мужественной и полноценной простоты. К простоте обязывают нас требования эпохи и трудовых классов нашей страны.

ТЫСЯЧИ ВЕЛИКИХ ТЕМ ЖДУТ ДРАМАТУРГОВ НАШЕЙ РОДИНЫ.

Из других процессов, происходящих в нашем искусстве, следует отметить процесс обогащения тематики нашей драматургии, что является результатом успехов социалистического строительства в самой жизни. Вспомните те места доклада товарища **Сталина** на XVII с'езде партии, где он говорил об изменении самого облика наших городов и нашей деревни.

Вспомните, с какой гениальной мудростью, простотой и как своевременно товарищ **Сталин** напомнил нам те положения пролетарского социализма, которые обеспечивают рост и развитие, своеобразие и оригинальность социалистической личности.

«Всякому ленинцу известно, если он только настоящий ленинец, что уравниловка в области потребностей и личного быта есть реакционная мелкобуржуазная нелепость, достойная какой-нибудь первобытной секты аскетов, но не социалистического общества, организованного по-марксистски, ибо нельзя требовать, чтобы у всех людей были одинаковые потребности и вкусы, чтобы все люди в своем личном быту жили по одному образцу!.. Марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по качеству или по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма».

Эти мысли и выводы товарища **Сталина** имеют огромное значение для искусства. Я обращаю внимание наших западных друзей, в частности присутствующих здесь французских писателей **Жан-Ришара Блока** и других, особенно интересующихся судьбой личности при коммунизме, на эти замечательные мысли.

К чести нашей драматургии следует отметить, что она не прошла мимо процессов, указанных товарищем **Сталиным** в его докладе на XVII с'езде партии. Советская драматургия заинтересовалась более молекулярными процессами нашей стройки, процессами, происходящими в быту, в личной жизни, процессами, изображающими новую нравственность нового строя. (Например, новые пьесы **Амаглобели, Финна, Соловьева, Билль-Белоцерковского, Киршона, Микитенко** и т. д.).

Это очень положительное явление, которое не противоречит изображению классовой борьбы в ее фронтальном разрезе, в разрезе тем коллективизации, индустриализации и гражданской войны, а дополняет и развивает эти темы. К сожалению, и в процессе изображения этих новых тем драматургия наша еще отстает от жизни. Конечно, здесь возможны отклонения и ошибки. Если при изображении эпической темы революции в драматическом действии наша драматургия нередко грешила нотками мелкобуржуазного революционного радикализма, то при разработке новых тем уже намечаются кое в каких пьесах тенденции к проникновению в них пережитков мещански-потребительских взглядов, предполагающих, что цветы и изобилие жизненных благ приходят в отмену деятельной, боевой и творческой жизни. Такая опасность есть. Оппортунистические черты мелкобуржуазной природы, природы вчерашнего собственника, ее леность, ее склонность к самотеку, ее склонность слишком быстро успокаиваться на каждом достигнутом результате легче всего могут прорваться именно в этом роде драматургии.

Робеспьер говорил в одной из своих речей: «Представители литературы вообще обесчестили себя в этой революции, и, к вечному стыду образованного ума, следует признать, что здравый смысл народа один только сделал в ней все». Эти горькие слова были справедливы для той революции, в которой Робеспьер был вождем. Буржуазная революция оказалась бесплодной для буржуазной драматургии.

Это вполне понятно. Чтобы победить старый порядок, буржуазная революция должна была поднять массы. Для того же, чтобы поднять массы, деятели буржуазной революции должны были обещать массам в тысячу крат, в миллион крат больше, чем они могли дать на самом деле. **Робеспьер, Сен-Жюст** и их сподвижники боролись со старым порядком во имя идеализированных античных доблестей, во имя свободы, справедливости, равенства, во имя прав человека. На деле же они были орудиями только буржуазного преобразования. Их преувеличенная политическая риторика выходила за рамки того, что могла и хотела дать буржуазия. Поэтому искусство революции и не могло вскрыть глубоко и реалистически революционных процессов тогдашней действительности. Реализм, реалистическое изображение революции неизбежно пришли бы в столкновение с ее идеологией. Перенесение этой идеологии в драматургию превращало драматургию в ходульную, аллегорическую, риторическую драматургию, т. е. делало ее художественно слабой.

В нашей революции пролетариат, освобождая себя, освобождает вместе с собой и все угнетенное человечество. Мы завоевали, мы создали себе великую и могучую родину, родину человечества. Родина! Еще вчера, семнадцать лет назад, это было только лживым понятием, орудием обмана и оглупления трудящихся. Сегодня это слово выражает в себе все, что рабочий класс и трудящийся крестьянин завоевал в революции.

Родина! — восклицают интеллигент и тель нового мира, создавший себе жизнь без господ и богов, властелин своей судьбы. Родина! — говорит крестьянин, вчера еще ограниченный своим мизерным наделом. Сегодня он освобожден от нищеты, эксплуатации, темноты и грязи, он трудится на основе коллективного использования величайших производительных сил нашего века.

Родина! — восклицает интеллигент и служащий, не так давно еще дезориентированный в классовой борьбе, метавшийся между молотом и наковальней, не находивший себе ни материального, ни духовного пристанища, сегодня ставший под руководством пролетариата участником строительства социализма.

Бардамю, герой романа французского писателя **Селина**, освободился на основе опыта войны и жестоких послевоенных лет от всяких иллюзий. Он уже ничего не думает найти в царстве смерти, — он трезво восхваляет смерть за ее отрицательную силу, за то, что она освобождает от опустошенной жизни современной капиталистической цивилизации.

А здесь, на нашей советской земле, мы видим и слышим иное. Мы слышали речь Олеши, речь о нищенстве духа вне социалистической родины и о сверкающем богатстве молодости в жизни общей с рабочими, с комсомольцами, со всеми людьми, коллективно строящими нашу великую родину.

Искусство, насыщенное таким духом, питающееся своими самыми глубокими корнями из самых глубин народной жизни пролетарской революции, не может не расти, не развиваться.

Сегодня мы еще молоды, наши сапоги — еще детские сапоги, но это обувь исполина. Мы создадим в кратчайшие исторические сроки великое искусство. Образы этого искусства не игрушка, не излишнее украшение на фронтоне воздвигаемого нами общественного здания. Они сплачивают людей революции, они цементируют создаваемое нами социалистическое здание.

Пусть нападут на нас с Востока, пусть нападут на нас с Запада! Стена сынов нашей прекрасной родины выступит, воодушевленная великими идеями, вооруженная великой техникой, руководимая великой ленинской партией, имея во главе величайшего своего собрата, — я не знаю, нужно ли еще называть его имя, запечатленное в сердцах и детей, и взрослых, и мужчин, и женщин, — и меч революции со страшной силой поразит врага. (**Аплодисменты**).

Мы счастливы и горды тем, что в этом деле созидания и защиты социалистической родины литература, драматургия и театр принимают равноправное участие, что писатель, драматург, режиссер и актер являются признанными деятелями этого величайшего преобразования в истории. (**Аплодисменты**).

Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

Д. БЕДНЫЙ.

Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

БАБЕЛЬ и СЛОНИМСКИЙ.

ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В ДРАМАТУРГИИ.

Доклад тов. Киршона на всесоюзном с'езде писателей.

I.

Нет никакого сомнения, товарищи, что с'езд наш перерос рамки всесоюзного с'езда советских писателей. На нашем с'езде присутствует много гостей, представителей пролетарской революционной литературы. Их выступления на с'езде показали, что они приехали к нам не в качестве гостей, а в качестве равноправных участников с'езда, делегатами от революционной литературы мира, активных участников нашего общего дела. **(Аплодисменты).**

Здесь выступало много писателей, лучших писателей нашей страны. Чрезвычайно много интересного и ценного было в их выступлениях. Одно мне хочется особо подчеркнуть. Для большинства, для подавляющего большинства советских писателей окончательно и бесповоротно разрешен вопрос о том, что писать.

Дела и дни нашей замечательной эпохи, ее люди и ее герои, ее «будни» и ее праздники—вот чему хотят посвятить свое творчество «инженеры человеческих душ».

Но почти все писатели, выступавшие здесь, и «маститые», имеющие за своими плечами по нескольку крупных произведений, и молодые, которые только сейчас взяли в руки перо, говорили о том, что со всей остротой встал для них вопрос—как писать. Нужно найти слова и приемы, которые помогут нам бурную музыку наших дней передать так, чтобы ее мужество и величие зазвучали бы в наших произведениях. Мы должны искать коллективно, каждый должен искать в отдельности и обогащать своими находками весь коллектив.

Некоторые наши критики специальностью своей избрали—все сглаживать, все стричь под одну гребенку. Как бы люди противоположно ни писали, эти критики ничтоже сумняшеся в конечном счете «вливают» их в единое «русло социалистического реализма».

Социалистический реализм не резиновый, товарищи, нечего опошлять глубокое значение этого метода утверждениями о том, что все находится в его пределах. Давайте уточнять, что же такое социалистический реализм в художественной практике, какие его основные черты, как нужно писать тем, кто действительно хочет пользоваться методом, гениально указанным товарищем **Сталиным.**

II.

В нашей литературе и драматургии имеются различные творческие течения, у наших писателей и драматургов различные художественные индивидуальности. Внутри советской литературы есть свои разногласия, серьезнейшие споры, которые не могут не приносить пользы и которые характеризуют жизненность и многообразие форм литературы. Но в массе своей наша литература и драматургия противостоят искусству капиталистического мира.

Новое содержание— вот что прежде всего отличает нашу литературу и театр от того, что создается капиталистическим миром.

Советских литераторов упрекают в том, что творчество их тенденциозно, что они проводят в своих произведениях идеи рабочего класса. Основная масса наших писателей гордится званием писателя рабочего класса и в своем творчестве борется именно за то, чтобы более полно и глубоко, в художественной форме, выражать идеи рабочего класса, — идеи, которые единственно могут вдохновить для творческой работы, дать художнику подлинную историческую перспективу.

Непосредственная связь с жизнью, богатейшей и красочной жизнью Советской страны, делает наше искусство, в противоположность пессимистическому и упадочному искусству буржуазных художников, молодым и жизнерадостным.

У нас создаются совершенно особого характера произведения, присущие только нашей драматургии: жизнеутверждающая трагедия и комедия с положительными героями.

Еще в одном из первых советских драматургических произведений, в пьесе «Шторм» **Билль-Белоцерковского**, финал радостно потрясает зрителя, несмотря на то, что пьеса кончается гибелью главного героя. Последние слова матроса Братишки, верного соратника убитого председателя укома: «Наша взяла!», как нельзя лучше выражают идею всей пьесы, они мобилизуют для борьбы и преодоления самых жесточайших трудностей, борьбы, во имя которой может быть принесено в жертву все, вплоть до жизни.

В «Интервенции» **Славина** в камере тюрьмы коммунист-подпольщик Бродский говорит своим товарищам перед последним допросом:

«Когда-нибудь, через пятнадцать, двадцать лет, когда будет социализм, люди скажут: вот некогда, в тысяча девятьсот девятнадцатом году французская буржуазия хотела раздавить молодую социальную революцию. Было прислано множество танков, броненосцев, пятьдесят тысяч солдат. — И вот нашлись люди, это были обыкновенные люди, они работали, чтобы отдать весь мир в руки трудящихся. Они не пожалели для этого своей жизни».

Коммунистов убивают. Но вот французские моряки, распропагандированные этими коммунистами, уезжают на родину. Уезжают не все. Один из остающихся говорит:

«Пройдут годы, затянутся раны, вырастут дети, и буржуазия решит, что вот пришло время, когда можно, наконец, затоптать проклятую советскую власть, и снова, — вы увидите, мальчики! — будут розданы патроны и снова, — вы услышите, мальчики! — будут сказаны слова: «За честь родины! За славу родины». Но мы уже знаем, что есть две родины. Да! Мы возьмем патроны, и мы найдем для них настоящую цель!»

Трагедия ли—гибель коммунистов, одесских подпольщиков? Да. Но разве не понимает наш зритель, что если бы не было самоотверженной борьбы кучки подпольщиков, не мог бы быть произнесен последний монолог французского солдата Селестена?

Советская трагедия мобилизует, зовет для дальнейшей борьбы, закаляет волю и мужество.

Комедия обычно строилась всегда на высмеивании отрицательных героев. Комедия разила орудием сатиры, смех комедии был направлен против уродства отдельных типов и социальных явлений. В советской стране создается новый тип комедии, комедии положительных героев. Комедия не высмеивает своих героев, но показывает их так весело, так любовно и доброжелательно подчеркивает их положительные стороны и качества, что зритель смеется радостным смехом, ему хочется брать пример с героев комедии, так же, как они легко и оптимистично разрешать жизненные вопросы.

Это не значит, что у нас нет места для бичующей сатиры; в нашем быту еще много уродливых явлений, капиталистические пережитки еще дают себя знать, перо сатирика может найти для себя подходящие об'екты. Но смех победителей, смех освежающий, как утренняя зарядка, смех, вызванный не насмешкой над героем, а радостью за него, все громче и громче звучит на нашей сцене.

Следует еще отметить, что наша литература и драматургия, в противоположность расовой литературе фашизма, национализму или национальной ограниченности буржуазной литературы, глубоко интернациональна.

Советские драматурги пишут также о других странах, о событиях, происходящих за рубежом. Наши писатели питают одинаковые симпатии к немецкому, французскому, английскому рабочему, как и в равной мере ненавидят немецкого, французского, английского буржуа.

Именно поэтому наши драмы, поставленные на Западе, вызывают такую страстную полемику, пользуются такой любовью пролетарского зрителя и так озлобленно встречаются буржуазной прессой.

Наша драматургия — несомненно самая высокая в мире по своему идейному уровню. Социалистический реализм — метод, который дает нам все возможности для создания произведений громадной художественной силы. Для дальнейшего продвижения вперед нам нужно продумать и разрешить ряд вопросов, связанных с освоением метода и применением его в наших произведениях.

III.

Можно ли показать нашу действительность и наших героев в период становления? Можно ли сегодня описывать наших героев, можно ли сегодня описывать наши дела таким образом, чтобы создавались полноценные, законченные художественные произведения? Этот вопрос остается одним из кардинальнейших и посейчас.

Говорят, что нет теоретиков, которые выступили бы с программой, утверждающей, что показать нашу эпоху художнику нашего времени невозможно. Это неверно. Можно привести немало заявлений, из которых явствует, что в отставании виновна не литература, а сама жизнь, которая столь быстро изменяется, что литература и драматургия за ней не поспевают.

Но если бы даже не было такого рода заявлений, вы, взглянув на целый ряд очерков, портретов, зарисовок и конкретных критических статей, увидите, что есть критики и писатели, считающие, что эта литература является единственно способной отразить нашу эпоху, что это и есть та литература, которая нам нужна, в противовес художественным произведениям, образно и философски обобщающим материал нашей действительности.

Вне всякого сомнения, литература, которая непосредственно быстро и актуально откликается на происходящие в стране события, нам необходима, значение ее очень велико, и преуменьшать его нельзя. Но безусловным разоружением нас явилась бы генерализация очеркового жанра в литературе и в театре и утверждение, что только снимки кинооператора с быстро мчащегося поезда и зарисовки очеркиста могут достойно отобразить нашу эпоху.

Можно ли забывать, что время, в которое мы живем и работаем, есть начало настоящей истории человечества?

Не все могут сразу охватить смысл происходящего. И у нас есть писатели, которые блуждают среди этих событий, как слепые; события поражают их быстротой и изменчивостью форм.

Поэтому они отказываются от создания глубоких художественных произведений, пытаются зарисовать, сфотографировать сегодняшний день, не претендуя ни на предвидение, ни на философское осмысление того, что видят.

Между тем задача писателя,—пишет ли он очерк, роман, стихи или драму,—заключается в том, чтобы уметь во всех происходящих процессах **раскрыть для себя законы исторического развития.**

Когда писатель поймет пути развития нашей действительности, то материал, над которым он будет работать в своем художественном произведении, не будет уже простым сборником документов или механической записью происшествий. Социалистический реализм, правдивость есть такое изображение нашей действительности, в котором реальные обстоятельства и люди изображаются не фотографически-статично, а в развитии на пути к социализму, в свете социалистических перспектив.

IV.

Для литературы и драматургии пришла пора разработки и показа человеческих образов, героев нашей эпохи, являющихся примером для миллионов. Но сплошь да рядом в нашей критике вы найдете нападки на тех драматургов, которые вместо показа «коллектива» на сцене, батальных и массовых сцен, выводят отдельных людей, с особой тщательностью работая над их характерами.

Утверждают, что работа над характером отдельного человека есть чуть ли не уход к позициям буржуазной драматургии. Таких драматургов обвиняют в психологизме и об'являют их индивидуалистами. На самом деле люди путают индивидуализм с индивидуальностью. Не умеющие диалектически мыслить, отстающие «массы» на сцене просто не понимают, что может быть выведена сотня людей, а произведение может быть идеалистическим и индивидуалистическим, и могут быть три героя, которые будут утверждать коллективизм. Дело здесь решает не количество.

В нашей драматургии мы создаем подчас не законченные характеры наших героев, а обезличенные схемы социальных типов. Мы знаем, что герои произведений выражают идеи автора, мы знаем, что поступки героев произведений выражают общественные отношения. Но точно так же, как в истории общественные отношения не существуют абстрактно, независимо от людей, так же не могут они существовать и в художественном произведении. А в нашей драме вы иногда видите оголенные отношения между людьми — без людей и социальные конфликты, происходящие среди манекенов. Рисуя, например, образ коммуниста, бывает, мы часто создаем совершенно абстрактную схему, наделенную всеми качествами, которые, как нам кажется, должны быть присущи коммунисту.

В нашей драматургии мы сосредоточиваем внимание на общих, характерных для каждого коммуниста чертах, совершенно забывая, что эти черты нужно выявить через личные особенности героя. Мы резко разграничиваем общественную суть образа человека, рисуемого нами, от его личных черт, не понимая, что в человеке все проявляется преломленным через его индивидуальность, но и сами индивидуальные черты вместе с тем определяются общественной средой и социальным положением человека. Поэтому самое важное и самое основное в драматургии—это борьба за создание полноценных характеров.

Герой драмы никогда не будет социальным типом, если не будет разработан характер. Схему типа создать без разработки характера возможно; настоящий тип создать нельзя, ибо под «типом» мы понимаем не только социальную сущность героя, но **и ему одному присущие, неповторимые черты.**

В драме развитие характеров неотрывно от развития действия, а в действии и выявляются «обстоятельства» пьесы. Поэтому борьба за типичные характеры в нашей драматургии (а это ее наиболее уязвимый участок) есть, вместе с тем, борьба за типичные обстоятельства.

Но, — могут мне сказать некоторые драматурги, — наши герои иногда восторженно принимаются зрителем, зритель бурно аплодирует нашим героям и нашим пьесам, наши пьесы имеют успех. В самом деле, товарищи, мы с вами знаем целый ряд с нашей точки зрения слабых, мало художественных пьес, которые нравятся зрителям. Мы не понимаем, в чем дело. Некоторые даже думают иногда, что наш зритель еще не дорос до художественной драматургии и не может отличить хорошей пьесы от плохой. Дело совсем не в этом, а в том, что зритель зачастую сам творит, и в воображении своем воссоздает не законченный нами образ.

Зритель наделяет героя, схематически нами написанного, чертами, которые он видел в жизни. **(Аплодисменты).** Через головы наших образов он видит настоящих героев, мы же часто принимаем эти аплодисменты на свой счет и обольщаемся. От такого обольщения, дорогие товарищи, по неопытности я хочу вас предупредить.

V.

За годы революции изменения в области экономики и политики породили в нашей стране строй новых отношений, идей и чувств. Новый социально-бытовой уклад в нашей стране перевоспитал громадные массы людей старых поколений, пришедших в революцию, и воспитал новое поколение молодежи, совершенно не знающее буржуазного общества.

Наша драматургия еще мало отобразила новые отношения, новые чувства, еще мало показала новых людей, выросших с революцией.

Наши художники еще не осмыслили в полной мере, что у нового поколения совершенно иные, принципиально отличные от существовавших до социалистической революции представления о целом ряде важнейших проблем, волновавших человечество. Как громадна, например, тема собственности частной и собственности социалистической; как изменилось в нашей стране отношение к деньгам и богатству— этой вечной проблемы литературы и драматургии всех времен и народов. Совсем по-новому для нашего поколения ставится вопрос личного выдвижения, «жизненной карьеры», места в жизни и т. д.; сложились совершенно новые отношения в семье, отношения между мужчиной и женщиной, родителями и детьми. Все это и многое другое должно властно заговорить со страниц наших произведений, с подмостков сцены.

Мы говорим о тенденциозности. С этой трибуны целый ряд писателей выступал и говорил о том, что они за большевистскую тенденцию. Да, это правильно, но только эта тенденциозность должна выражаться в таких художественных формах, чтобы она не была навязчива, чтобы она вытекала из самого художественного произведения.

В нашей драматургии уже можно найти отражение новых отношений между людьми, новых представлений, новых чувств. В своей блестящей пьесе «Заговор чувств» Юрий **Олеша** поставил вопрос о старых и новых чувствах в порядок дня. Иван Бабичев и Кавалеров — представители и носители старых чувств — терпят поражение. Но победители не удались Юрию Олеше. В его пьесе поединок происходит между Иваном Бабичевым, «вождем старинных чувств», и его братом Андреем Бабичевым — колбасником, человеком, лишенным всяких чувств. Иван Бабичев и Кавалеров побеждены в пьесе. Бритвой, которой хочет Кавалеров зарезать Андрея Бабичева, колбасник отрезает кусок колбасы. Но колбаса ли придет взамен старым чувствам? Колбасники ли — строители нового мира? Верно ли, что не будет влюбленных, храбрых, верно ли, что чувствам нет места в нашей жизни?

В этой пьесе Олеша разрешает вопрос неправильно. Чувства не уничтожаются, но выражаются они по-иному, но проявления их совсем не те, что у представителей старого мира, талантливо описанного Олешей. В нашей драматургии вы уже можете встретить чувства, противопоставленные чувствам старого мира, разрешение по-новому тех же вопросов, которые волновали подданных «короля подушек» — Ивана Бабичева.

В пьесе Погодина «Мой друг» строителю завода коммунисту-директору Гаю руководящее лицо задает вопрос:

Руководящее лицо. Ты мне скажи: ну чего ты хочешь?

Гай. Чего ж я хочу? Обидно! Не знаю, чего хочу.

Руководящее лицо. Ах, бедный, бедный! Не знаешь! Ну тогда я знаю, чего ты хочешь. Собирай чемоданы, через три дня поедешь принимать новое строительство. Что это за площадка в двадцать пять километров? Мы тебе даем завод в десять раз больше этого. Мы тебе даем строительство в двести пятьдесят квадратных километров. Мы знаем, что ты хочешь.

Они все хотят этого—соратники коммуниста Гая, это—их самое заветное желание. Так же самоотверженно и героически будут они бороться за рост своей страны, за ее силу, за победу своих идей, органически сочетая эти большие идеи и желания со своими личными, самыми интимными переживаниями и чувствами.

Как величественно это осознание повседневной, кропотливой, будничной работы частью общей борьбы за перестройку мира на новых началах. Вот чувства, достойные быть запечатленными в крупнейших произведениях, вот чувства, которые могут вдохновить художника.

VI.

Но можно ли показывать новые отношения, новые характеры, новые вопросы, затрагивать новые темы, используя старые драматургические формы? Можно ли вливать «новое вино в старые меха», против чего так часто выступают люди, критикующие наши позиции, выдающие себя за новаторов?

Кажущееся на первый взгляд революционным положение о том, что новые явления общественной жизни требуют, **независимые от содержания, разрешения** вопросов формы, по существу означает непонимание основных положений марксизма.

Являются ли революционными, социалистическими те формы искусства, которые выдвигают наши «новаторы»? Нет, они не могут быть революционными, ибо заимствованы они у так называемого «левого» искусства буржуазии — футуризма.

В наших условиях увлечение этими формами искусства выражается в апологии бессюжетности, рыхлости и разорванности композиции, в механическом собирании слов, подменяющем работу над языком, в понимании пьесы только лишь как материала для театра.

Борьба с эпигонами, формализмом и «новаторством» отнюдь не снимает вопроса о действительно глубокой борьбе за новые формы социалистического искусства.

Мы еще не можем предугадать, какая форма искусства будущего. В одном мы твердо уверены. Эти новые формы не будут, как полагают наши «новаторы», незаконченными, неопределенными, нечеткими, отражающими чисто внешние черты периода становления. Нет, они будут чеканными, стройными и монолитными, как того требует **господствующий стиль** эпохи становления — социалистический реализм.

VII.

Вопрос о взаимоотношениях драматурга с театром для нас в основном решен: драматургия, несомненно, играет ведущую роль по отношению к театру, ибо пьеса — содержание спектакля. Но вместе с тем работа театра есть не механическое наложение текста автора, а свое самостоятельное творчество, которое дает драматургическому произведению новое качество спектакля.

Наиболее остро стоит сейчас перед нашим театром проблема актера.

У нас принято все недостатки театральных образов огульно сваливать на драматурга, но нужно сказать, что иногда целый ряд наших драматургических произведений не звучит по-настоящему со сцены потому, что они бывают не понятыми и не прочувствованными актерами.

И поэтому авторский образ, если он даже в пьесе органичен и убедителен, на сцене выявляется как схематический, лишенный индивидуальных проявлений и чувств.

Говорят: дело в том, что новый автор не дает достаточного материала. Не верьте, товарищи, не верьте этому. Я утверждаю, что сплошь и рядом, даже там, где у старого автора совершенно не было материала, театр умел показать героев того времени. Вспомним «Воскресенье» в МХАТ, вспомним присяжных в сцене суда. Каждый из них абсолютно индивидуализирован, каждый из них живет настоящей жизнью, каждый из них представляет законченный социальный тип, каждая фигура запоминается.

Как же изображаются наши колхозники и рабочие в массовых сценах наших пьес? Тов. Погодин говорил здесь о париках из старых пьес, годных для новых ролей, а я хочу поговорить о валенках, которые часто служат театру... для классовых характеристик. Хорошие валенки—кулак; поношенные—середняк, рваные—бедняк. Не слишком ли часто режиссер уступает место костюмеру, не слишком ли большую роль играет костюм в показе нового человека?

Я утверждаю, что наш актер еще мало знает нашего героя. Когда идет какая-нибудь старая пьеса, вы чувствуете проникновение актера в роль. А вот наш новый герой выходит подчас на сцену дубина-дубиной. Стиль работы и жизни нового человека наш актер знает мало.

Так же, как мы ищем сейчас такие слова, которые лучше всего выразили бы новые мысли и чувства человека нашей эпохи, так и режиссерам и актерам надо искать новые приемы, новые методы показа нашего героя. А для этого прежде всего нужно знать жизнь, нужно изучать ее, активно участвуя в ее процессах, а затем, думается мне, следовало бы так же, как нам, коллективно искать, коллективно работать над новыми образами, и первым шагом к этому был бы всесоюзный с'езд актеров и режиссеров, посвященный творческим проблемам. **(Аплодисменты).**

VIII.

Мы, советские писатели и драматурги, заявляем нашим иностранным гостям и их просим передать трудящимся всего мира, что мы считаем себя бойцами великой армии, борющейся за освобождение человечества. Мы гордимся тем, что мы—писатели нашей родины, но мы вместе с тем—рядовые интернациональной армии бойцов коммунистического слова. **(Аплодисменты).**

Дружеский шарж худ. **Кукрыниксы.**

ПОГОДИН.

Дружеский шарж худ. **Кукрыниксы.**

МАЛЫШКИН.

Отразить мысли, страсти и чувства нового человека.

РЕЧЬ тов. ЩУПАКА.

Признанных драматургов у нас меньше, чем признанных прозаиков и поэтов. Признанных драматических произведений еще меньше.

Причина, мне кажется, заключается в том, что театрально действенная форма изображения нового человека более сложна, чем форма эпическая или даже лирическая. Мы хорошо знаем, какая трудная задача—художественное изображение нового человека. Но если это трудно дается в эпическом произведении, то вдвойне и втройне труднее это в драме, где изобразительные средства возможны только в пределах действенной самохарактеристики. Поэтому, говоря о состоянии современной драматургии, мы должны применить к ней ее собственный критерий. Только тогда мы поймем, как далеко пошла наша драматургия вперед.

Говорить о признаках роста нашей драматургии — значит говорить о колоссальных революционных воздействиях и изменениях, внесенных ею в жизнь театра. Это значит говорить о совершенно неизвестных в истории театра новых идеях, темах и персонажах. Это значит говорить о рождении впервые настоящей большой художественной театральной культуры в национальных республиках.

Самый большой революционизирующий фактор в нашем театре—это новый персонаж. Самое появление этого персонажа означало революцию в театре. Ведь в старой драме не было настоящего места для представителей трудящихся. Рабочие и крестьяне даже в наиболее радикальных произведениях были только об'ектом гуманистического сочувствия и никоим образом суб'ектом, который сам распоряжается своей судьбой. В таком произведении, как «Ткачи» Гауптмана, где показано выступление рабочих против их эксплуататоров, первые представлены как слепая стихийная сила, не умеющая осознавать перспективы. Рабочие и крестьяне, как сознательные творцы своей судьбы, впервые выступили только в советской литературе, в том числе и в нашей драме.

Человек-одиночка, который находится в разладе с обществом, человек, как механистическая частица общественного бытия, человек, развивающийся в самом себе, по образцу ибсеновских героев или, как рупор человеческого духа, по образцу шиллеровских персонажей,—так выглядит по преимуществу старый драматургический персонаж.

Новый персонаж и его отношения к обществу,—вот что определяет революционное развитие, идейное содержание и форму нашего театра.

До недавнего времени драматургия оказывалась способной вскрывать в человеке одну только линию,—линию, определяющую основные его классовые позиции. Все остальные моменты поведения схематически выводились из этой классовой позиции. И то обстоятельство, что ныне драматургия переходит от описательной драмы к проблемной, от одного жанра к различным жанрам, свидетельствует в первую очередь о более глубоком познании современного человека, о стремлении отразить не только то чувство, которое характеризует центральную политическую линию, но и то разнообразие чувств и страстей, которое отличает героя нашей страны.

Я утверждаю, что такие пьесы, как «Чудесный сплав» **Киршона**, «Девушки нашей страны», а также «Птицы и насекомые» **Микитенко**, «Гибель эскадры» **Корнейчука**, «Часовщик и курица» **Кочерги**, «Мой друг» **Погодина**, «Ваграм» **Первомайского**, по-разному открывают новую полосу развития советского театра.

К сожалению, новые явления, как искания в области проблемной пьесы, жанра, качественные изменения традиционных принципов комедии и трагедии не получили должного анализа и характеристики в докладах. Анализ же этот нужен нам не только для того, чтобы выяснить характер наших достижений, но и для более отчетливого осмысливания, кто и что тормозит поступательное движение, чего недостает для того, чтобы ростки новых исканий дали необходимые плоды для подлинного расцвета нашей драматургии.

Драматурги наши несомненно делают очень робкие шаги. Больших дерзаний нет. Новый шаг делается большой частью не без оглядки назад. Конкретно это сказывается в том, что деятельность нового героя часто втискивается в рамки несоответственных, но зато испытанных ситуаций и коллизий, что разговоры компенсируют внутреннюю характеристику героя, что приемы смешного заимствуются иногда для советской комедии из арсенала буржуазных комедий и водевилей.

Иные критики видят основной недостаток в том, что драматурги сосредоточивают свое внимание на среднем человеке, а не на большом герое. Это, конечно, неверно. Задачи драматургии определяются интересами нашей революционной действительности, а в нашей действительности нет среднего человека. Каждому дано стать героем. Задача заключается в том, чтобы отобразить новое качество любого человека, ибо в них заложена действенная энергия, выражающаяся и в будничных и чрезвычайно героических делах.

Наряду с этим, конечно, заслуживают особого внимания люди, которые выделяются своим талантом, отвагой и энергией, которые благодаря этому возвышаются над массой даже передовых людей.

Тов. Киршон правильно выступает против искусственного взвинчивания героя, против ходульности. Надо только помнить, что это не означает, что надо показывать героя только таким, как он есть. Надо его показывать еще таким, каким он может и должен быть. Никогда в истории человечества социальный коллектив не воздействовал так на индивидуумы, как ныне. Без показа нового, социального коллектива, который взращивает великих героев, питает их подвиги, разрешить задачу индивидуального сценического характера невозможно. Вот почему, учась у классиков драмы строить крепкий и напряженный сюжет, мы не должны ни в коем случае подражать им. Новые отношения между людьми, новые двигатели душевных переживаний человека требуют, конечно, новых ситуаций и коллизий, иной художественной аргументации во всех деталях драматического явления.

Иные под предлогом новаторства подсовывают нам идею бессюжетности. Мы однако помним, что распад сюжета был характерен для драматургии эпохи упадка, для мистических драм Метерлинка и Пшибышевского.

Не прав Киршон, когда заявляет, что главное—это новые люди, новые отношения, а новая форма сама придет. Беззаботность в отношении формы меньше всего уместна в настоящее время. Форма — это не чистая технология. Содержание нового человека и новых отношений можно показать только при условии определенной формы, сюжета, композиции, языковой характеристики. Форма эта не что-то внешнее, вроде колпака, в которую можно вливать новое содержание, форма развивается внутри самого содержания.

Нет таких формальных приемов в драме, которые не отнимали бы или не прибавляли что-то к персонажу. Нет чистой самой по себе формы, в которой не разрешался бы вопрос содержания.

Драматургии нашей нехватает умения развертывать большие мысли, страсти и чувства нового человека. Больше смелых и решительных исканий, больше дерзаний — этого жаждет многомиллионная масса театральных зрителей нашей великой страны. **(Аплодисменты).**

За „живой водой" художественного творчества.

Доклад тов. Алексея Толстого на всесоюзном с'езде писателей.

Вспоминаю, как в начале моего литературного пути мне трудно давался язык, как я спотыкался на каждой фразе.

Рассказы я переписывал по многу раз, и все же не мог добиться того необходимого, чтобы фраза стала кристаллически прочной и ясной, чтобы фраза возбуждала в мозгу зрителя, подобно вспышке света в фотоаппарате, ясное и четкое, образное представление.

То мне казалось, что нужно писать красиво, чтобы речь лилась по всем канонам словесности, по-тургеневски; то казалось, что нужно писать так, чтобы фраза гипнотизировала моего читателя «магией» слов, шаманскими ритмами.

Эта «магия» — наследство символистов и мистиков — эта школа **Андрея Белого** много наделала нам бед. Шаманское отношение к слову и сейчас еще не вполне вытравлено.

Ложью была и попытка «акмеистов» **(Гумилева, Городецкого, Осипа Мандельштама)** пересадить ледяные цветочки французского Парнаса в российские дебри. Сложным эпитетом, накладыванием образа на образ акмеисты подменяли огонь подлинного поэтического чувства. Усложненный эпитет — накладывание образа на образ — очень широко распространенное явление в советской литературе. «Перед ним змеилась пыльная дорога серым ковром». Или: «Ива свесила плакучие ветви вопросительными знаками»... Этакое стремление писать «поэтично», не доверяя простым, так сказать, «подлым» предметам в их собственной поэтичности.

Ты сказал «пыльная дорога», — в воображении читателей возник образ некоей пыльной дороги, этот образ можно уточнить, индивидуализировать, — правильно. Но ты сейчас же на это накладываешь другой образ, из другой обстановки: «серый ковер». Фантазия читателя испытывает то же, что фотографическая пластинка, на которой снято два изображения.

Начинающий писатель и в самом деле начнет думать, что спроста ничего нельзя говорить. И получается «Город взыбился»... «Железные ночи ломались»... «Завод протянул руку рывком виадука»...

Образ, возникающий в воображении читателя,—решающее дело в искусстве; с образом обращаться нужно чрезвычайно деликатно и осторожно, — «не нажимать».

Нет образов не поэтических, «подлых»; весь секрет лишь в том, чтобы образ четко возник в воображении читателя. Но тут нужна выкованная фраза, доносящая этот образ.

И так я изучал классиков, но у меня не было ключа к тайнам их языка. Я пробовал заводить записные книжки и подслушивать «словечки». Но когда я вклеивал их затем в ткань рассказа — получалось то же, как если бы живописец приклеил к портрету нос, отрезанный у покойника.

Где ключ к художественному языку? Как найти это одно единственное сочетание слов, чтобы читатель полно, всеми чувствами воспринял мое художественное видение? Где эти таинственные законы языка?

Язык — это след многотысячелетнего производительного труда человеческого общества. Язык—это отложенные кристаллы мириадов трудовых движений, жестов и духовной энергии, вызванной бытием в труде и борьбе.

Все сложные движения нашей психики получают форму в языковом определении. Язык — орудие мышления. Обращаться с языком кое-как — значит и мыслить кое-как.

Человек непрерывно жестикулирует в окружающей среде, отвечая на ее прикосновение всем существом—от бессознательных рефлексов до отвлеченных идей.

Еще не выучившийся речи человек-зверь отвечал жестами на действие окружающей среды. Жест сопровождался звуком. Из звуков образовались сочетания согласных (ибо гласные звуки — дальнейшее завоевание). Примитивная речь подкрепляла жест, затем — выражала его, затем начала заменять его. Образовывались слова-глаголы, слова-существительные, слова-эпитеты. Усложнившееся социальное бытие привело к словам-понятиям.

За каждым словом был выраженный ими предмет, и когда такое слово произносилось, в слушателе возникли представление о предмете и жест, как реакция на предмет. Такой непосредственный жест, связанный с отношением к реальному предмету, можно назвать безусловным жестом. («Он бросил горсть золы ему в глаза», — слушатель, представивший это, невольно зажмурит глаза).

Отвлеченные понятия, идеи также сопровождались жестом, может быть более неуловимым, тонким, может быть не у всех одинаковым. Идеи, так или иначе, всегда связаны со зрительным образом. Несомненно, у библейских евреев безобразное понятие Саваофа связывалось с полосатым шатром скинии, с жертвенным дымом. У нашего молодого поколения понятие революции связано со сложной суммой реальных впечатлений Октября.

Правда, жесты отвлеченных идей более индивидуальны, более условны. Мы их могли бы назвать условными жестами.

Каждое слово в языке, каждое понятие таит образ и связанное с ним психическое движение, так или иначе сигнализирующее физическому жесту. Основа языка—жест. Язык готовых выражений, штампов, какими пользуются нетворческие писатели, тем и плох, что в нем утрачено ощущение движения, жеста, образа. Фразы такого языка скользят по воображению, не затрагивая сложнейшей клавиатуры нашего мозга. «Буйная рожь» — это образ. «Буйный рост наших заводов» — зрительная метафора: заводы действительно растут, поднимаясь трубами, зданиями, вышками. «Буйный рост нашей кинематографии» — здесь уже полная потеря зрительного образа, бессмыслица, — фраза становится банальной, «газетной».

Художественная фраза появляется, как выражение системы жестов. Строя художественную фразу, нужно видеть нечто, если это предмет или движение предметов, нужно эмоционально ощущать нечто, если это идея, понятие, чувство.

Нельзя изучать народный язык, выхватывая летучие выражения, оторванные от их жеста, как нельзя больше записывать песен без музыки. Нужно подойти к коренным истокам языка: к труду, к трудовым процессам, и только там найти давно потерянный ключ —жест и отомкнуть им слово.

Мало видеть со стороны процесс труда, чтобы художественно описать его,—нужно его понять. Когда поймешь основу, станут понятными все недостатки надстройки, вся сложнейшая сеть человеческой психики.

Нельзя до конца прочувствовать старинную колыбельную песню, не зная, не видя черной избы, крестьянки, сидящей у лучины, вертя веретено и ногой покачивая люльку. Вьюга над разметанной крышей, тараканы покусывают младенца. Левая рука прядет, правая крутит веретено, и свет жизни только в огоньке лучины, угольками спадающей в корытце. Отсюда—все внутренние жесты колыбельной песни.

Рождение художественной фразы.

И вот перед нами—освобожденный труд, бесчисленные процессы созидающего труда, труд, как творчество, творческий под'ем народов, строящих для себя новый мир. Наука, покинувшая пыльные залы старой Академии, чтобы непосредственно участвовать в великом строительстве. Труд — высшее моральное и эстетическое начало,—вошедший во все закоулки человеческой психики. Вот тот мир, куда нужно итти писателю за живой водой творческого слова.

Если не легко овладеть языком писателю романов,—то еще труднее задача эта для драматурга.

В театре единственный об'ект искусства—человек,—удивительный мир, заключенный в комочке нервов под черепной коробкой. Человек, определяющий свое бытие становлением в социальной среде.

Задача советского драматурга—создать героя нашего времени, поставить на перекрестках наших текучих дней величественные фигуры типов нового человека.

У драматурга одно орудие —диалог. Он должен растворить свою личность в десятках персонажей и заговорить их голосами.

Растворив себя, он должен овладеть этими джинами, выпущенными из кувшина его фантазии, заставить их вырасти до значительности типа эпохи и живых, типичных повести через столкновения к развязке так, чтобы их судьбою рассказать тему пьесы и заставить зрителя полной грудью вдохнуть горный воздух нашей гениальной эпохи.

Задача не легка, как видно. Задача выполнима только при условии полного переселения личности драматурга в психику персонажей. Плохо, когда он подобен престидижитатору, который кидается за ширмой то к одному, то к другому окошечку, высовывается то с усами, то в чепце, ревет басом и шамкает по-старушечьи.

Переселение случается, когда я до галлюцинации отчетливо вижу персонаж моей пьесы, я с ним близко знаком. Пусть он произносит всего четыре слова,—я должен видеть его, как самого себя в зеркале, я должен знать его судьбу, видеть и понимать его жесты.

Жест—ключ к пониманию, к переселению в человеке. Как и жест, в свою очередь, при обратном процессе театрального представления пьесы —ключ к игре актера.

Советский роман уже завоевал мировой рынок, но драматургия его не завоевала. Советская драматургия рождена гражданской войной. Громоздкие пьесы того времени не поднимались выше бытового уровня и были, по существу, историческими иллюстрациями.

Попытки РАПП административным давлением заставить писателя мыслить отвлеченно привели к приспособленчеству, драматург окрасился в защитные цвета. Качество продукции этого времени известно.

Сегодня перед драматургией раскрыты небывалые возможности: великие идеи, осуществляемые строительством пятилеток, лучшие в мире театры и зрительный зал, кипящий творчеством, оптимизмом, молодостью, желанием благодарно увенчать поэта лаврами эпохи.

Еще усилие, шаг вперед,—и, это безусловно, советская драматургия даст такие же высокие показатели, как все наше строительство. Наш театр будет праздником идей, праздником героев нашего времени, праздником предельного раскрытия творческих возможностей.

Великие драматурги минувших времен профессионально знали театр, были сами актерами, режиссерами, писали для любимых исполнителей.

Великие драматурги хорошо знали специфику драматургического искусства: архитектонику, реализм об'ектов театрального представления, искусство диалога, ощущение театрального времени и чувство зрительного зала.

Строительство пьесы—архитектоника — определяется тем, что зритель за два с половиной часа должен воспринять законченную историю группы персонажей. За два с половиной часа, как у фокусника из горсти земли, должен вырасти, расцвести и завянуть цветок, совершив свой жизненный круг.

Повесть может быть начата с полуслова и окончена на полуслове, повесть—прямой отрезок жизни. Архитектонически построенная пьеса—это сфера, как бы пузырь, где лежит плод. Границы сферы таковы, что зритель ничего уже не хочет искать за ними: все заключенное в сфере исчерпывающе полно.

Закон пьесы: ничего случайного, ничего лишнего!

Отсюда — закон: в пьесе — ничего случайного. Драматург в экспозиции пьесы намечает перед зрителем судьбы и характеры своих героев и просит зрителя верить, что герои с намеченных путей не собьются. Зритель спокоен, его не обманут, не уведут по ложному следу, где ему пришлось бы вместо переживания судьбы героя подменять обогащающие душу переживания дешевым любопытством догадок.

Только зная судьбу Гамлета, мы во всю глубину переживаем его трагедию. В «Макбете», в первой сцене, начертаны все судьбы: драматург, которому есть что сказать, не боится открывать карт.

Возможны жанры авантюрной или приключенческой пьесы—спекуляция на нездоровом любопытстве зрителя. Таких задач—пробуждения неизжитых темных инстинктов в человеке—советский театр не ставит. Милиционер разгоняет толпу, обступившую зарезанного трамваем.

Реализм об'ектов театрального представления. Люди и вещи на сцене с момента поднятия занавеса превращаются из людей с наклеенными бородами и из вещей театрального реквизита, то-есть из людей и вещей натуралистических,—в реалистические образы и вещи.

На-днях в разговоре об искусстве **Лазарь Моисеевич Каганович** удачным примером иллюстрировал разницу между натурализмом и реализмом.

Человек шагает по грязи. Человек может испытывать радостное чувство преодоления трудной дороги, ощущение своей силы... Фотограф, фиксирующий его аппаратом с тротуара, заснимет лишь забрызганного грязью человека. Фотограф, щелкающий затвором с тротуара,—натуралист. Художник, понимающий внутреннее состояние человека,—реалист.

Пьеса,—это внутренний мир данной идеи, оформленный сюжетом, где персонажи и предметы вскрывают свое истинное назначение для розыгрыша данной идеи в материальных формах.

Предметы на сцене—письмо, платок, ружье, свечка и т. д.—участники спектакля. Они окружают персонаж, двигаются вместе с ним и вместе с ним вырастают до типичной значительности реализма.

Здесь, на с'езде, украинский писатель **Кочерга** рассказал мне содержание одной из своих пьес, где предмет—свеча—является стержнем пьесы и из простой свечи вырастает до значения пламени восстания. В Киеве в XVI веке литовский воевода запрещает зажигать по ночам свет. Один человек похищает у него грамоту литовского князя, отменяющую этот закон. Во время свадьбы человека этого арестовывают, бросают в тюрьму. Его невеста идет к воеводе, и воевода, издеваясь, дает ей зажженную свечу: донеси ее, не погасив, до тюрьмы, жениха твоего освобожу. В ветряную ночь невеста идет по Киеву, заслоняя огонь свечи... Она почти уже донесла не погасший огонь, стража воеводы убивает ее... И тогда народ, все цеха поднимают восстание... Огонь свечи зажигает пламя революции...

Искусство диалога:

Начало «Ревизора» в первой редакции:

Городничий. Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам пренеприятное известие. Меня уведомляют, что отправился инкогнито из Петербурга чиновник с секретным предписанием обревизовать в нашей губернии все относящееся к части гражданского управления.

Ам. Фед. Что вы говорите! Из Петербурга?

Арт. Фил. (в испуге). С секретным предписанием?

Лука Лук. (в испуге). Инкогнито!

В окончательной редакции:

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор...

Ам. Фед. Как ревизор?

Арт. Фил. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием...

В первой редакции **Гоголь** больше думает, чем видит. В окончательной редакции, когда все продумано и сделано, он видит до галлюцинации отчетливо своих персонажей. Здесь полное внедрение в их психику, в их жизнь, в их судьбу. В первой редакции Гоголь устами городничего об'ясняет завязку комедии. Книжная фраза — городничий за ней, как в тумане. В окончательной редакции — это живой человек, перепуганный плут, еще сохраняющий важность перед чиновниками. Он начинает важно, даже торжественно: «Я пригласил вас, господа...» В руке у него письмо... «сообщить вам пренеприятное известие...» Затем — пауза: неожиданное известие сильнее его важности... Он роняет руку с письмом, глядит на чиновников, как бы тщетно ища ответа... И—голосом из утробы: «К нам едет ревизор...» Здесь все из жеста и поэтому предельно экономно и выразительно.

В первой редакции чиновники произносят не индивидуальные и не типичные слова изумления, — их произнес бы вообще всякий: «Что вы говорите? Из Петербурга? С секретным предписанием? Инкогнито?» Гоголь подчеркивает их ремаркой (испуганно). Он еще не видит этих чиновников. В окончательной редакции — увидел вплоть до их тупых рож, склеротических глаз. Заплывшими мозгами чиновники уловили одно: ревизор!.. Выпучась, моргая, чиновники говорят: «Как, ревизор?» И только... Ремарка «испуганно» опущена, не нужна. В этом «Как, ревизор?»—полный образ.

Творец и критик, ответчик и судья.

Искусство диалога идет от видения жеста и, разумеется, от глубокого внедрения в психику персонажа. Пусть ваш персонаж не пытается об'яснить своей психологии — вы его сразу потеряете из поля зрения. Помните о диалектике. Персонаж высказывается в столкновении противоречий, в поступках,—пишите его биографию иероглифами его поведения. Слова лишь подчеркивают, обогащают, уточняют, усиливают впечатление.

Будьте скупы на слова. Пусть каждое из них, как заостренная стрела, попадает прямо в цель, в сердце зрителя.

Ощущение театрального времени. Часы в кармане зрителя и часы его переживаний показывают разное время. В «Трех сестрах» за два с половиной часа зритель без натяжки переживает целую жизнь. Об'яснение такому явлению относительности мог бы дать Эйнштейн. Нас здесь интересует, как это достигается?

Экономией и движением. В пьесе должно быть только самое главное, — драматург пусть будет беспощаден к самому себе: все, что можно убрать, хотя бы ценное,—убирать без сожаления, в жертву экономии, плотности текста и насыщенности действия.

Зрительный зал болезненно не выносит остановки, если это ненужная для движения пауза. Полсекунды без изменения превращается в резонанс зрительного зала, в свинцовую тучу тоски.

О, скука зрительного зала! Это мало чем неучтивость, — это общественное преступление. Неважно, что зритель скучал полчаса в трамвае, по пути в театр. В трамвае была пауза жизни, здесь — пауза в творчестве. Зритель — такой же творец, как и драматург.

Чувство зрительного зала. Здесь драматург сдает социальный экзамен. Ощущение творческой воли масс возможно лишь при условии своей осознанной связи с их творческой жизнью. Их задачи — его задачи, их волнения — его волнения.

Драматург одновременно должен занимать в пространстве два места: на сцене — среди своих персонажей, и в кресле зрительного зала. Там — на сцене — он индивидуален, он синтезирует, он философ, здесь—в зрительном зале—он растворен в массах. Иными словами, в написании каждой пьесы драматург по-новому становит свою личность в коллективе. И так он одновременно творец и критик, ответчик и судья.

Массы советского зрителя стоят у дверей театра. Они принесли свою любовь, свою ненависть, весь свой оптимизм каменщиков нового мира.

Советский зритель желает видеть на сцене своего представителя: это прежде всего великий оптимист, новый герой народной сказки, сказки, осуществленной в жизни. Оптимизм—вот под каким знаком вырастает наша драматургия.

Драматург должен понять, что советский зритель — сложное и многогранное существо. Он может дремать, когда не задевают его страстей. Он будет добродушно смеяться даже пошлой комедии, находя в ней кое-какое основание для добродушного смеха. Но он же станет страстным соучастником высокого искусства, воплощающего великие идеи нашей эпохи.

Нужно верить в неисчерпаемые творческие возможности масс, как верил **Ленин**, как верит **Сталин**. Нужно положиться на художественную мудрость массового советского зрителя.

Есть предложение созвать конференцию актеров, драматургов и зрителей, то есть делегатов от зрительских конференций, для более тесной и более творческой связи. **(Аплодисменты).**

АЛ. ТОЛСТОЙ среди драматургов Ср. Азии.

ВЧЕРА НА С'ЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ.

ДОКЛАД тов. БУХАРИНА.

Пушкин в «Путешествии в Арзрум» так рассказывает о своей встрече с пленным турецким пашой: «Увидев меня во фраке, он спросил, кто я таков. Пущин дал мне титул поэта. Паша сложил руки на грудь и поклонился мне, сказав через переводчика: «Благословен час, когда мы встречаем поэта».

Если следовать восточной манере турецкого паши, то вчерашний вечер на с'езде писателей можно было бы назвать «благословенным вечером», ибо он был посвящен поэзии.

В самом деле, кто не любит стихов? Кто сам не писал стихов, если не явно, то тайно, пусть нескладных или младенчески-наивных, но зато идущих от глубины чувств? Кого, наконец, не волнуют судьбы и пути развития поэзии революции, поэзии победившего класса?

* * *

Но вчерашнему вечеру вообще суждено было быть «большим днем».

На трибуну вошел человек небольшого роста, в очках. Его черные волосы были гладко зачесаны назад. Его лицо было отмечено тем особым спокойствием, которое могло бы быть сочтено за равнодушие, если бы оно не было выдержкой. Председательствующий тов. **Климкович** сказал, представляя гостя с'езду:

— **Японский революционный режиссер товарищ Хидзикато.**

С'езд разразился громкой овацией. Не было ни одного человека в зале, который не приветствовал бы товарища, олицетворявшего в своем лице героический японский рабочий класс.

Товарищ **Хидзикато** держал речь на японском языке. Слова не были понятны залу, но язык жестов и интонаций интернационален, зал поэтому угадывал чувства японского товарища и ясно ощущал, что сердце человека, стоящего на трибуне, и сердца всех собравшихся бьются в унисон.

Японский товарищ говорил от имени революционных писателей и художников Японии.

И когда он кончил и слова его были переведены, **с'езд и все гости поднялись, как один человек, и стоя бесконечно долго аплодировали японскому товарищу, собрату и другу.**

Это был второй голос с Востока, ибо первый голос принадлежал делегации колхозников **Зеленского** района **Узбекистана**, приветствовавших с'езд от имени освобожденных революцией национальностей Средней Азии. Узбекистанские хлопкоробы поднесли халат председателю с'езда **Алексею Максимовичу Горькому**, имя которого они чтут и книги которого они знают и любят.

* * *

Доклад тов. **Бухарина** продолжался $3\frac{1}{2}$ часа. Он охватил весь путь роста советской поэзии от **Блока** и **Брюсова** до наших дней. Его основной тенденцией было утверждение необходимости нового качества советской поэзии, такого художественного качества, которое поставило бы имена советских поэтов в один ряд с именами мировых классиков.

Зал чутко ловил произносимые докладчиком имена. Яркую характеристику творчества и значения поэта **Маяковского** с'езд и все гости встретили бурными аплодисментами, стоя, воздавая этим дань глубокого уважения и любви замечательному поэту, неугомонному барабанщику революции. С'езд и гости встали при упоминании имени безвременно погибшего талантливого поэта Эдуарда **Багрицкого**, вспоминая в эту минуту «Думу про Опанаса», — великолепное и художественно-зрелое произведение, — и другие чудесные вещи этого большого поэта.

Немало было сказано о плеяде комсомольских поэтов (Безыменский, Светлов, Жаров, Уткин, Ушаков), при чем похвалы перемежались с упреками и критическими замечаниями.

* * *

Утреннее заседание 28 августа открывает председатель белорусского союза советских писателей тов. **Климкович**. Продолжаются прения по докладам о драматургии. На этом заседании выступили тт. **Альтман, Тренев**, украинский драматург, автор пьесы «Гибель эскадры» **Корнейчук, Дунец** (Белоруссия), **Димерчан** (Армения), **Динамов, Дадиани** (Грузия), **Н. Никитин**, немецкий писатель **Эрнст Толлер, Чинчурин** (Татария), **Бекимов** (Каракалпакия), **Саидов** (Узбекистан), **Черный** (Белоруссия), **Анантай** (Башкирия).

На вечернем заседании в прениях выступили тт. **Зархи, Юзовский, Кочерга** (Украина), заслуженная артистка республики **Наталия Сац, Джеборлы** (Азербайджан), **Славин**, японский режиссер **Хидзикато**.

Турецкая военная делегация в Москве.

Прием в честь делегации у тов. Корка.

27 августа вечером командующий войсками Московского военного округа тов. Корк дал обед в честь прибывшей в Москву турецкой военной делегации.

На обеде присутствовали турецкая военная делегация в полном составе во главе с генералом **Фахреттин-пашой** и генералом **Музаффер-пашой**, турецкое посольство во главе с поверенным в делах **Февзи-беем**, находящийся в Москве **Эмин-паша**, и. о. турецкого военного атташе капитан **Энвер-бей**, зав. первым восточным отделом НКИД тов. **Цукерман**, помощник командующего войсками МВО тов. **Косич**, заместители председателя Моссовета тт. **Хвесин и Усов**, начальник отдела внешних сношений Наркомата обороны тов. **Геккер**, военный атташе СССР в Турции тов. **Клочко**, комендант Кремля тов. **Петерсон**, командир корпуса тов. **Кутяков**, командир Пролетарской дивизии тов. **Хмельницкий**, командир мех. части тов. **Ракитин**, начальник школы ВЦИК тов. **Егоров**, зам. нач. отдела внешних сношений Наркомата обороны тов. **Цанюков**, ответственные работники Наркомата обороны и Наркоминдела.

Во время обеда тов. **Корк и Фахреттин-паша** обменялись приветственными речами.

Осмотр «Максима Горького» и ЦПКиО.

27 августа турецкая военная делегация осматривала самолет-гигант «Максим Горький». Об'яснения гостям давали руководители ЦАГИ. «Максим Горький» произвел на членов делегации исключительно сильное впечатление, что и было подчеркнуто ими в беседе с конструкторами и строителями самолета.

С аэродрома турецкая военная делегация отправилась в Центральный парк культуры и отдыха, где пробыла около часа. (ТАСС).

Прием делегации у тов. А. И. Егорова.

28 августа начальник штаба РККА тов. **А. И. Егоров** дал завтрак в честь находящейся в Москве турецкой военной делегации.

На завтраке присутствовали: турецкая военная делегация в полном составе во главе с генералами **Фахреттин-пашой** и **Музаффер-пашой**, турецкое посольство во главе с поверенным в делах г. **Февзи-беем, Эмин-паша**, и. о. турецкого военного атташе капитан **Энвер-бей**, инспектор кавалерии РККА т. **Буденный**, зав. 1-м восточным отделом НКИД т. **Цукерман**, начальник главного управления РККА т. **Фельдман**, начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе т. **Шапошников**, начальник управления делами Наркомата обороны т. **Штерн**, начальник штаба военно-воздушных сил РККА т. **Хрипин**, начальник связи РККА т. **Синявский**, начальник военно-химического управления РККА т. **Фишман**, начальник отдела внешних сношений Наркомата обороны т. **Геккер**, военный атташе СССР в Турции т. **Клочко**, ответственные работники Наркомата обороны и Наркоминдела и др.

Тов. Егоров и генерал Фахреттин-паша обменялись приветственными речами.

Возложение венка на гроб В. И. Ленина.

Вчера утром турецкая военная делегация посетила мавзолей Ленина. Генерал Фахреттин-паша возложил от имени турецкой армии и военной делегации венок на гроб В. И. Ленина.

Посещение ЦАГИ.

Днем турецкая военная делегация осматривала Центральный Аэро-Гидродинамический институт. Делегация была принята в ЦАГИ директором института т. Харламовым и зам. директора проф. Некрасовым.

Лаборатории института и завод ЦАГИ произвели на членов делегации большое впечатление. Они единодушно отмечали высокое научное и практическое значение работ, которые ведутся в институте, и заявили, что считают необходимым всесторонне изучить опыт работы ЦАГИ. (ТАСС).

О НАГРАЖДЕНИИ УЧАСТНИКОВ ВСЕСОЮЗНЫХ МЕЖДУВЕДОМСТВЕННЫХ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ 1934 г.

Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

Проведенные в Москве с 28 июля по 6 августа первые всесоюзные междуведомственные спортивные соревнования выявили значительный рост физкультурного движения в передовых физкультурных организациях Союза ССР—профессиональных союзах, в Рабоче-Крестьянской Красной Армии, в пролетарских спортивных обществах «Динамо» и Промысловой Кооперации, а также значительное повышение спортивно-технических достижений советских физкультурников, сочетающих беззаветный энтузиазм в строительстве социализма с боевой подготовленностью и высоким спортивным мастерством.

Отмечая, кроме того, организованное и четкое проведение соревнования,—Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР **постановляет:**

1. Учредить три переходящих знамени имени Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР для награждения ведомственных физкультурных организаций, показавших наилучшие достижения в соревнованиях по легкой атлетике, плаванию и футболу.

2. Наградить переходящими знаменами имени Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР:

а) пролетарское спортивное общество «Динамо»—за лучшие достижения по легкой атлетике;

б) физкультурную организацию профессиональных союзов—за лучшие достижения по плаванию.

3. За достижения лучших результатов по городкам, водному поло и прыжкам в воду наградить физкультурную организацию профессиональных союзов грамотой Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

4. За высокие спортивные достижения, за четкое проведение соревнований и образцовую постановку судейства премировать лучших участников, судей и организаторов соревнований по списку, представленному Организационным комитетом праздника.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР
А. ЕНУКИДЗЕ.

Москва, Кремль. 17 августа 1934 г

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ О СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ.

Ведущая роль драматурга.

РЕЧЬ тов. Ш. ДАДИАНИ.

Рис. М. Гинзбурга.

Я из той страны, где не только в диком состоянии растут гранаты, благоухают лимоны и мандарины, зреют янтарные кисти винограда, а где лучшая, передовая мысль человечества всегда — и в глубине веков и сегодня — находила и находит себе благодарную почву, где рождаются люди с талантами и умом, с кованой стальной волей, чьи имена незабвенны в веках. Но, несмотря на это, моя страна до великого Октября стонала под сапогом русских царских сатрапов. Я сам свидетель того, как всякая свободная мысль была заглушена в Грузии, как всякое мало-мальски передовое движение было сковано в самом зародыше.

Что я вижу теперь? Перед моими глазами произрастают молодые побеги социалистического строительства. Вижу этих молодых садовников, исполненных веры в свое дело, новых людей с силой и размахом, смелых бойцов на всех фронтах социалистической стройки жизни. Вижу их и на литературном фронте вообще, и в драматургии в частности. Новое содержание, новые приемы, своеобразность подхода к предмету.

Но есть у нас и схематичность, недоработанность общего рисунка типов, убегание от раскрытия психологических сторон героев. И это — явление нередкое. У нас дошло дело даже до того, что кое-кто стал отрицать жанры трагедии, комедии и сатиры.

Трагедия, комедия и сатира имеют право на существование. И сегодня это не отрицается никем из докладчиков, так что мне незачем, к моей радости, ломиться в открытую дверь. Нужно только уметь создать достойную эпохи героическую трагедию, комедию, сатиру. Рад сообщить, что в Грузии мы уже имеем образец подлинной трагедии молодого автора **Симона Мтвариадзе** — «Сурамская крепость».

Театральное воплощение пьесы, драматической продукции — особое искусство. Прежде всего актер и все театральное искусство и его сотрудники — режиссер, художник, музыкант, инженер и другие — творят свое новое большое дело. Но не надо забывать, что они должны показать свое искусство на данном материале, на том мраморе, который я, автор, принес в театр. Бронзу и золото они могут получить от других. Только извольте мой мрамор не искажать и исходить из него. Если не так, то не надо театру ставить такую пьесу. Об этом с'езд должен сказать свое авторитетное слово.

Всякий драматург отчасти является актером и режиссером. Иначе я лично не мыслю драматурга. Он должен видеть свое произведение на сцене, у него должен быть свой режиссерский план и актерское толкование каждого героя своей пьесы.

Когда этого нет, тогда начинается олигархия в театре. Театр должен раскрыть всей своей возможностью замысел драматурга, должен угадать его план и по этому плану построить свое чудесное здание — спектакль, а не самому стараться перестроить весь план автора и дать совершенно несогласное с замыслом автора творение. А это бывает.

В последнее время в русской драматургии появляются в качестве персонажей представители национальностей, и они носят человеческий облик. По крайней мере в пьесах тт. **Киршона, Билль-Белоцерковского, Прута,** а теперь у т. **Сельвинского.** У всех у них грузины являются людьми: они не режут других без всякого повода, не являются мелкими мошенниками, как это раньше изображалось в русских произведениях. То же самое и в грузинской литературе: русские не являются символами порабощения народов, пожирателями нации. Но все же этого мало.

Хотелось бы еще более близкого подхода друг к другу, чтобы не было какого-то высокомерного отношения и неприязни к «чужеземцу». Это недостойно ни нашей эпохи, ни нашего призвания.

Мы призваны служить великой идее создания бесклассового социалистического общества. Я тоже с вами. Пока бьется сердце, я буду работать, не покладая рук. По мере своих сил я надеюсь принести хотя бы один кирпич на ту стройку, которую строят партия и кузнец новой жизни — **Сталин. (Аплодисменты).**

„Ваша радость есть также и наша радость“.

РЕЧЬ НЕМЕЦКОГО ДРАМАТУРГА тов. Э. ТОЛЛЕРА.

В то время, когда вы в первые дни с'езда подводили здесь итоги достижений советской литературы, я ехал на пароходе в СССР. Иногда, собираясь с матросами и кочегарами в ленинском уголке, я разговаривал о тех же вопросах, которые вы здесь обсуждаете — о вопросах литературы.

Закоптелые, почерневшие от работы на палубе, от машин, эти пролетарии рассказывали мне о своих любимых книгах, о книгах русских классиков, о книгах мировой литературы. **Пушкина, Льва Толстого, Гоголя, Чехова** они знали так же хорошо, как **Горького, Пастернака, Эренбурга,** как **Третьякова, Федина, Шолохова, Тихонова.** Они читали **Диккенса, Бальзака, Уэллса** и **Андрэ Жида.** Этим подтверждается наличие огромных творческих сил, созидающих новую культуру первого в мире рабочего государства, ибо где еще в мире имеются люди такой породы?

Когда, сойдя на берег, в Ленинграде я почувствовал великий ритм строительства, его могучее дыхание, в котором переплавляется и вновь строится страна, я понял, на какую высоту поднялся Советский Союз с 1926 г., со времени, когда я впервые имел возможность посетить его.

Мне захотелось, чтобы наши массы, живущие под варварским гнетом фашизма, вместе со мной увидели бы вашу действительность. **(Аплодисменты).**

Когда по моей просьбе мне перевели газеты, то я убедился, в каком об'еме здесь ставятся идеологические проблемы. Я снова спросил: где еще в мире делается подобное? Я подумал о капиталистической прессе, насыщенной убийствами, скандальными историями, ежедневно отравляющей своих читателей.

Вы можете гордиться тем, что вы создали.

Мы, писатели, преследуемые фашизмом, который мы ненавидим и против которого мы будем бороться до самого последнего вздоха, — мы вместе с вами гордимся этим. Ваш пример может служить нам одним из сильнейших орудий в нашей борьбе. Я знаю, что все нападение на вас, это — нападение на всех нас, на все освобождающееся человечество. Я заявляю, что наша обязанность — защищать то, что вы защищаете. Поэтому я разрешаю себе сказать несколько критических слов не как враг, а как братски связанный с вами товарищ.

Я буду говорить, как драматург. Передо мной лежит программа предстоящего в сентябре театрального фестиваля. Что я здесь нахожу? Я нахожу «Даму с камелиями» Дюма, «Уриэль Акосту», вещи давно известные. Но здесь я вижу мало постановок молодых советских драматургов.

Эта театральная неделя не дает вашим гостям иностранцам даже отдаленного представления о богатстве театральной литературы, созданной вашими молодыми писателями. Где же их пьесы, где их интересные пьесы, которые капиталистический театр не осмеливается ставить?

Конечно, тематика западных писателей отличается от вашей. Вы пробуете конкретно оформить проблему новой жизни.

Перед нами, живущими в капиталистических странах писателями, стоят другие задачи, другие темы.

Мы имели в Германии самые разнообразные формы революционного театра. В наши дни сильно опороченный экспрессионизм имел в свое время большое революционизирующее значение. И рабочие прекрасно воспринимали экспрессионистские произведения, если они художественно удавались. Некоторые из этих произведений «Газ» **Кайзера,** или «Человек — масса» обошли театры всего мира, расчищая дорогу революционной драме. Не нужно только преуменьшать способности рабочей массы к художественному восприятию.

На смену экспрессионизму пришло новое направление, новая форма репортажной пьесы, заслуга которой заключалась в отборе и подаче новых тем и нового социального материала. Но это направление оказалось бессильным облечь свой материал в художественную форму.

Из синтеза этих двух направлений в немецкой драме возник революционный реализм, такие драматурги, как **Фридрих Вольф, Берт Брехт, Пливье и Толлер.** Буржуазная критика обвиняла их пьесы в тенденциозности. Что же называется буржуазной критикой «свободным от тенденции»? Совокупность интересов, мыслей и чувств, оправдывающих капиталистический строй.

Товарищи, ваша радость есть также и наша радость. Наши заботы должны быть и вашими заботами. Как мы у вас учимся, так и вы должны учиться у нас. Да, мы нуждаемся в вашей помощи. В особенности мы, изгнанные из своих стран писатели, жизнь которых скудна и возможности ограничены, — мы нуждаемся в ваших издательствах, театрах, в ваших читателях и слушателях.

Я приветствую резолюцию с'езда по докладу о международной литературе. Очень важно, что вы широко раскрываете двери художникам, бесстрашно борющимся против фашизма даже тогда, когда их произведения не вполне соответствуют вашим идеологическим установкам, ибо творчество этих людей охватывает интеллигентский слой населения, ту часть юношества, к которой пролетарское искусство редко имеет доступ. Эти писатели рисуют пустоту, безысходность и усталость буржуазного общества. Они заставляют людей вдумываться и понимать окружающее.

Эти писатели также являются пионерами нового мира. Такие писатели, как **Генрих Манн, Блох, Дос Пассос, Фейхтвангер, Синклер Льюис,** выполнили огромную революционизирующую работу. Революционное дыхание самого произведения часто оказывает влияние, иногда неподозреваемое самим автором.

Усиливающемуся фашизму сопутствуют произведения не только с обнаженной тенденцией, но и такие, которые пронизаны бациллами фашистской идеологии.

Разрешите в заключение сказать следующее: пользуясь каждым случаем, показывайте за границей вашу жизнь и ваши труды. Посещайте чужие страны, участвуйте даже в с'ездах буржуазных писателей. Важно, чтобы вы выступали на международной трибуне, как пионеры, несущие в жизнь свой огромный плодотворный опыт.

Я приветствую вас! Я приветствую также всех заточенных товарищей, которым не дано знать, что их здесь по-братски вспоминают в печали и гневе. Мы их не забудем и не будем молчать. Кто в такое время молчит, тот изменяет своему человеческому званию.

Мы не падем духом. Этим мы бы отреклись и покинули страдающую и борющуюся в подполье Германию, которая завтра победит, победит во что бы то ни стало! **(Аплодисменты).**

УЧИТЬСЯ У ШЕКСПИРА!

РЕЧЬ тов. С. ДИНАМОВА.

Есть один художник в прошлом, мимо которого не может и не смеет пройти ни один писатель, ни один драматург, ибо идти мимо него — это значит идти мимо и против настоящего искусства.

Вы знаете этого художника, хотя мы не знаем, кто он, до сегодняшнего дня. Это **Шекспир.** Искусство Шекспира нужно нам, как нужен воздух здоровым легким. Время Шекспира было время грозовое, и сотрясался земной шар под этим гигантским художником. Мир точно раскололся пополам, и трещина мира прошла по сердцу, по мозгу, по сознанию Шекспира. И это не убило, не уничтожило художника, это дало ему новые, огромные силы, это его сделало живым для всех последующих поколений, современником грядущих веков.

В чем же тайна очарования Шекспира? Почему он нужен нашему искусству, нашей драматургии? Шекспир нужен потому, что он сумел весь горячий металл своей эпохи, всю накаленность огромной всемирно исторической борьбы капитализма и феодализма, весь этот клокочущий, пламенный металл сделать характером.

Шекспир брал огромные, всемирно исторические темы. Он брал борьбу двух миров, двух формаций. Он взял самое главное, что было в его жизни.

Я говорю — Шекспир, и в мозгу каждого из вас сразу вспыхивают знакомые образы: это Отелло, это Гамлет, это Ричард III, это Ромео, это Джульетта, это Шейлок. Они — рядом с нами, потому что для своего времени они были центральными фигурами и передовыми характерами.

Вот это умение историю вложить в человека и человека вложить в историю, это гениальное умение взять тип, взять характер и весь мир выразить через них, — вот чему нужно учиться у Шекспира.

Учиться нужно у Шекспира умению показывать человека в деятельности, в действии, в борьбе. Говорят, что Гамлет — это бездеятельный герой у Шекспира. Неверно, даже этот самый бездеятельный герой на самом деле был деятельным выразителем огромных исторических процессов. Гамлет — это воплощение всего мирового конфликта той эпохи, борьбы двух миров. Это — последний человек старого мира, над которым висят все призраки старого средневековья, это — первый человек мира нового.

У Шекспира нужно учиться языку. Когда Шекспир пришел в Англию, то в ходу был так называемый классический язык, в ходу были итальянские кончетти, когда курицу нельзя было назвать курицей, когда меч нельзя было назвать мечом, когда была ложная искусственная речь, которая точно бумажные розы украшала английский язык. И Шекспир, поддавшись этим веяниям вначале — этим украшениям, этой речи, орнаментике, искусственной иллюзорности, потом рванул английский язык вперед и заговорил грубым, жестоким и мужественным языком жизни.

И еще: действенность Шекспира в том, что это был драматург до конца. Это — сюжетность Шекспира. Это не сюжетность случайной интриги, случайных положений. Сюжетность Шекспира в том, что у него сталкивались гигантские противоречия, которые разбивали мир, и сталкивался круг интересов отдельных людей. Сюжетность Шекспира — это сюжетность страстной и мощной борьбы, но не случайных коллизий.

У Шекспира нам нужно брать замечательные уроки. Это — воин, который в первых рядах класса врубался в жизнь. И нужно быть воином-художником, чтобы в самый напряженный момент брать не винтовку, а перо, ибо слово стреляет часто дальше винтовки, поднимает тысячи винтовок, чтобы дать залп по противнику. **(Аплодисменты).**

А МЫ ЕЩЕ ТАК МОЛОДЫ!

РЕЧЬ тов. Л. СЛАВИНА.

Повидимому, никогда еще в истории мира не было так, что судьбы книг и спектаклей, судьбы людей, которые их делают, стояли в центре внимания огромной страны, как это происходит сейчас — в дни с'езда. Разумеется, мы и раньше знали, какое значение, какое большое познавательное и созидательное значение имеет художественная литература в деле строительства нового общества. Однако никогда еще это внимание и любовь, забота народа о своей художественной литературе не выражались в таких сгущенных, наглядных формах, как сейчас.

В. Гюго в день его рождения был задан вопрос одной из французских газет: «Какое из своих произведений вы считаете самым лучшим?» Гюго ответил: «Мое лучшее произведение еще не написано». В этот день В. Гюго исполнилось 85 лет. Никому из нас, к счастью, еще нет 85 лет. Но независимо от возраста еще с большим основанием, чем Гюго, каждый из нас может сказать: «Мое лучшее произведение еще не написано».

Да, товарищи! К сожалению, для нас, а еще больше — для наших читателей и зрителей, наши лучшие произведения еще не написаны. Несмотря на все значительные успехи советской художественной литературы, мы еще не достигли полных сил и полного блеска в том, что является для нас самым дорогим в изображении положительного героя нашего времени. Драматургия здесь еще больше отстала, чем художественная проза, и это естественно. В распоряжении романиста больше художественных средств, чем у драматурга. Он удаляется в своей книге для интимного разговора с читателем наедине, а пьеса охватывает огромное учреждение с сотнями людей. Романист свободен распоряжаться действием во времени и в пространстве. Романист не ограничен трехчасовым сценическим действием и несколькими десятками метров сценической площади, как драматург. Драматург, всю сложность характера, всю сложность событий может выразить только в переброске словами между собою действующих лиц.

В чем основная трудность драматургии? В том, чтобы выразить великую правду нашего времени в положительных героях.

Но для художника этого мало. Я хочу сказать, что, работая над конкретным произведением, можно оставаться суб'ективно глубоко правдивым, но в то же время об'ективно лгать, давать тень вместо живого человека, а это значит — лгать.

Итак, нам предстоит еще создать гармонию своего творческого желания и своих творческих возможностей. Мы знаем о жизни больше, чем еще умеем выразить. Мы ищем учителей не только в жизни, но и в книгах.

Мне кажется, что в пьесах **Погодина** заключено больше элементов нового театра, что они лучше передают новую правду человечества, которую мы провозглашаем, чем пьесы тех драматургов, которые придерживаются канонов старого классического театра.

Драматургу, чтобы он писал, как **Шекспир или как Чехов,** нужно мыслить и чувствовать, как Шекспир или Чехов. Стиль — это точка приложения идей. Но когда подражающие **Льву Толстому** берут нашу советскую жизнь и оформляют ее художественными приемами сектанта, помещика, анархиста, рантье, аристократа, будучи сами при этом безбожниками, пролетариями, марксистами, плебеями и большевиками, то получается катастрофическое несоответствие между идеями и средством их выражения.

Да, изучать классиков нужно более глубоко, чем это было до сих пор, и более критически, чем это было до сих пор. Но все знание старой литературы, которое необходимо писателю и которое насыщает его необходимыми технологическими сведениями, вместе с тем отравляет его старыми, отжившими, неприменимыми сейчас приемами. За каждым приемом стоит ощущение. Воспринимая прием, мы впитываем в себя и частицу яда старого ощущения мира.

Почему у меня в моей пьесе «Интервенция» большевики вышли бледнее и беднее, чем образы некоторых других действующих лиц и чем оригиналы большевиков в жизни. Разве я не понимал их ощущений, мотивов и механизма их поведения. Нет, понимал. Но искусство — одна из величайших конкретностей в мире, одна из наиболее чувственных вещей в жизни. И, когда я пытался изобразить силу и простоту, мужество и темперамент, — бумажный шелест Шекспира мне только мешал.

Все элементы большевистского темперамента в отдельности я находил в старой литературе, но комплекса этих темпераментов я не найду ни в одной старой книге. В тот день, когда живой большевик во всей своей мощи встанет на страницах книги, в этот день появится первая великая книга нового человечества.

Критика нам могла бы помочь в этом отношении. Ругать советскую критику уже стало трюизмом, и я должен сказать, что огульное охаивание советской критики — вещь неверная и вредная. И если писатели требуют помощи от критиков, то и критики вправе требовать ее от писателей. У нас есть театральные критики, чьи суждения являются для писателей ценными. У нас есть критические писатели, которые ценны тем своим свойством, которое импонирует писателю больше, чем что-нибудь другое: они литературно талантливы. Однако главная беда наших критиков в том, что они забывают одно существенное обстоятельство: не только наша драматургия отстала от нашей эпохи, но и оценка нашей драматургии отстала от самой драматургии.

Мы завоевываем новый характер в искусстве — черточки за черточкой. В редкой из советских пьес нет счастливых находок для будущего искусства.

Таким образом однажды на советском театре появится пьеса, полная боевой революционной философии, бесстрашно правдивая, ярко жизнерадостная, прозрачно простая и сохраняющая в то же время всю сложную идейность нашей эпохи. Быть может, уже ее автор бродит среди нас, быть может, он сидит где-нибудь здесь на хорах, может быть это юноша, посетитель библиотеки, студент или фабзаяц с записной книжкой в кармане, где значатся первые реплики или ремарки, а может быть, это будет один из нас, 35-летних, прошедших войну и революцию, пробирающихся к великому искусству сквозь тьму своих предрассудков и своей неопытности.

Наше искусство при всем его несовершенстве уже давало образцы, которые потрясали мир, а мы еще так молоды! **(Аплодисменты).**

ДЕРЗНОВЕНИЕ ДРАМАТУРГА.

РЕЧЬ армянского писателя тов. ДЕМИРЧАН.

Я хочу говорить о драматизации драмы и ее героев. Чего мы ждем от драматургии? Вот вы пришли в театр и вы ждете радости художественных переживаний. Увы! Вы сидите в зале, читаете газету. Вы невозмутимы, вы спокойны. Герой ваш, — вы заранее уверены, — победит. Он побеждает уже в начале пьесы, побеждает в середине пьесы, побеждает, как полагается, и в конце пьесы. Никаких неожиданностей, никаких опасений, никаких трудностей. Как волновать вас? Волновать невозможно, не подвергнув опасности драматическое положение. А ведь надо было бы немножко толкать вас в сторону пропасти и, конечно, удержать вас от падения. Дать вам пережить несколько жутких минут.

Драматург хочет вывести зрителя из беспечного, безучастного спокойствия в театре. Это неимоверно трудная и ответственная задача. Это — дерзновение драматурга.

Драму нельзя превратить в цепь индиферентных картин. Драма должна жить, волновать. Драматизация драмы и ее героев стоит в порядке дня советской драматургии.

Но каким образом драматизировать драму и ее героев? Герой, как вы хорошо знаете, это не нечто готовое. Герой готовится напряженно действенной и диалектически изменчивой действительностью. Путь становления героев диалектичен.

Тов. **Погодин** хочет искать и открыть что-то новое в драматическом искусстве. Талантливый наш искатель не боится споров. Не боится этого и т. **Киршон.** Да, мы не **Фаусты,** чтобы страшиться духа, вызванного нами!

Великая эпоха Октября, эпоха героических актов, потрясений, катаклизмов, эпоха торжества пролетарского дела, не может не создать одну из действенных, боевых форм советской драматургии. Советская драматургия, по всей вероятности, будет драматургией монументальной. Это вытекает из ее массового, коллективного характера и содержания. Героическая практика советской действительности возвысит ее тон до патетического.

Новую драматургию создаст и оформит новый человек, новый драматург, который выберет своим источником социалистическую действительность и целеустремленность рабочих трудовых масс.

Творчество, фольклор народных масс создали писателей духа и образы **Гомера, Софокла, Шекспира, Гете, Пушкина.** Великие гении всегда были близки народному творчеству. Но за классиками, сыновьями восходящих эпох, последовало новое поколение, оторванное от народных масс, которое создало мелкое искусство упадочничества.

Критически используя наследие прошлого, мы хотим учиться у классиков. Учиться у классиков — это значит быть близким народным массам. Обязанность советской драматургии заключается в том, чтобы быть так близкой к пролетарским массам, как некогда были близки классики в отношении своего народа.

У народа же взяли классики свою почвенность, насыщенность, глубину, монументальность. Если в нашу эпоху мы слышим: «новое искусство — массам», то это не значит, что мы должны и сможем создать что-нибудь великое без участия этих масс. Ничего великого в искусстве не может быть создано без участия в этом деле великого рабочего класса и колхозного крестьянства.

Могучий класс, его здоровое дыхание, его исполинская фигура, все будущее человечества даст в творчестве советских писателей новое, долговечное начало.

ЖИВОЙ ТРЕПЕТ СЕРДЦА ЯПОНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА.

РЕЧЬ тов. ХИДЗИКАТО.

От имени революционных писателей и художников Японии передаю I с'езду советских писателей, этому передовому отряду мировой пролетарской революции, горячий братский привет. **(Аплодисменты).**

Японская революционная литература в течение всего своего более чем десятилетнего развития находится под сильнейшим влиянием советской литературы, самой передовой литературы в мире.

Рабочий класс Японии и его писатели всегда с огромным вниманием следили и следят за ростом и успехами вашей работы в деле строительства бесклассового общества. **(Аплодисменты).**

Почти все значительные советские литературные произведения, как, например, все произведения **Горького,** «Железный поток», «Бронепоезд», «Бруски», «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Цусима» и т. д., уже переведены на японский язык, очень популярны и пользуются большой любовью у рабочих и крестьянских масс.

30 советских пьес переведены на японский язык: «Рычи, Китай», «Разлом», «Воздушный пирог», «Напор», «Шторм», «Бронепоезд», «Город ветров», «Хлеб», «Страх» и др. Все они показаны большими революционными профессиональными театрами, входящими в японскую секцию международного об'единения революционных писателей, в Токио, Осака и др. городах. Пьесы эти всегда горячо и восторженно приветствовались зрителями.

Необходимо отметить, что влияние советской литературы на массы не только не ослабло после первого выпада японских империалистов против Советского Союза в Манчжурии, но еще больше усилилось. Это показывает, что широкие массы уже понимают, кто их действительный враг, что их враги не в стране Советов, а зачинщиками и организаторами войны являются генералы и фашисты, в отчаянии толкающие «верных сынов микадо» прямо к военной диктатуре.

Для вас все это уже ясно. Вспомните, что спустя несколько месяцев после войны в Манчжурии целый отряд японских солдат был расстрелян на месте за антивоенную работу, что империалисты Японии были вынуждены отослать целый полк из Шанхая в Японию под видом «триумфального возвращения», так как ни один солдат этого полка не захотел выступить против своих китайских братьев (аплодисменты) и потому опасно было держать этот полк. Вспомните успешную подпольную работу героической компартии Японии на важнейших военных заводах и в военных портах. **(Аплодисменты).**

Одна из наиболее важных задач японских революционных писателей — помочь разбить интриги империалистов и бороться за защиту Советского Союза путем создания произведений о советской действительности, которые революционизируют трудящиеся массы, стоящие за прекращение грабительской войны в Китае.

«Военные заводы» — роман тов. **Симмото** об антивоенных настроениях рабочих одного из крупных военных заводов и их смелой борьбе под руководством компартии Японии; многие рассказы тов. **Куросима** о недовольстве японских солдат; сборник антивоенных стихов, выпущенный союзом пролетарских писателей в Японии; сборник антивоенных пьес, выпущенных пролетарским театральным союзом — таковы книги, показывающие, что японские революционные писатели действительно выполняют свою важнейшую задачу, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия. **(Аплодисменты).**

Огромное значение имеет пьеса тов. **Хисаита** «Нефтяные поля Северного Сахалина», вскрывающая интриги японских империалистов, старающихся помешать выполнению пятилетки в нефтяной промышленности на Советском Сахалине и рисующая взаимоотношения и сближение японских рабочих с советскими.

Существование союза деятелей искусства «японистов» — военно-фашистской культурной организации, которая, как говорят, имеет больше десяти тысяч членов, — типичный пример того, как мобилизуются буржуазией широкие слои художников, чтобы привязать массы рабочих и крестьян к колеснице войны.

С другой стороны — репрессии врагов увеличиваются изо дня в день. «Закон об охране общественной безопасности», конкурирующий только разве с средневековыми законами в Германии, будет скоро пересмотрен для того, чтобы еще более усилить преследования работников левого культурного движения.

Путь революционных деятелей искусства Японии очень тернист. С весны 1932 года начались и продолжаются аресты виднейших участников революционного культурного движения.

Выпуск революционной литературы и постановка пьес запрещаются. Заседания, митинги, всякие собрания запрещаются. В результате этих репрессий революционные организации сильно пострадали. Однако на смену одному арестованному приходят десятки новых. **(Аплодисменты).**

Союз пролетарских писателей Японии в ответ на запрещение своего органа выпустил 10 новых революционных литературных журналов. **(Аплодисменты).**

20 февраля 1933 года международная революционная литература потеряла одного из своих самых боевых и талантливых борцов за коммунизм — молодого японского пролетарского писателя тов. **Кобаяси.** В знак протеста против этого гнусного убийства, 5 тыс. рабочих Токио собрались в театре, где шла пьеса Кобаяси. Я думаю, в каждом из вас поднимается смешанное чувство печали и гнева при воспоминании о том, как был замучен до смерти тов. Кобаяси японской полицией. Тов. Кобаяси — автор целого ряда романов: «Краболовная шхуна», «15-е марта 1928 года», «Отсутствующий помещик», «Заволская ячейка», «Товарищ из районного комитета» и др. произведений — сумел передать в них всему миру живой трепет сердца японского пролетариата. **(Аплодисменты).**

Тогда как тов. **Токунага** — автор романов «Улица без солнца», «Токио — город безработных» и др. — передовой писатель рабочего класса Японии, был рабочим типографии и жил на той самой улице без солнца, о которой он написал роман, — тов. Кобаяси начал свою литературную деятельность банковским служащим, и вся его жизнь блестящего партийного писателя, погибшего на своем революционном посту, является типичным примером того, как японская интеллигенция вовлекается в революционное движение.

Пролитая кровь т. Кобаяси, подвергнувшегося всем ужасам и пыткам японского полицейского застенка, бурно бежит в жилах сотен и тысяч японских революционеров, борющихся на литературном фронте, следуя пути советских писателей, собравшихся сегодня здесь.

Товарищи-писатели Советского Союза! Мы революционные писатели, театральные деятели и художники Японии клянемся смело идти вперед по этому пути, по пути создания советской Японии. **(Бурные аплодисменты, переходящие в овацию).**

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

С'ЕЗД ДАЛ НАМ ВЕЛИЧАЙШУЮ ЗАРЯДКУ.

РЕЧЬ тов. КОРНЕЙЧУКА.

Хорошие пьесы смотрят миллионы, они идут в сотнях театров. И поэтому каждый образ, каждое слово наши должны быть полноценными, страстными, волнующими сердца миллионов.

В театре «Березиль» в Харькове драматургу после 10 спектаклей режиссерская лаборатория дает диаграмму реакции зрителя на происходящее на сцене (легкий кашель, кашляет весь зал, легкий шум, полный шум, тишина, аплодисменты и бурные аплодисменты). Это замечательный документ, которым должны интересоваться не только драматурги, но и наши критики. Я проверил реакцию зрителей на моей пьесе «Гибель эскадры». Смотрели ее партийный актив Дзержинского района, рабочие завода ХПЗ, студенты и военная партийная конференция. И все они точно сговорились, как будто заключили договор перед спектаклем о восприятии. Кашляли, шумели командиры Красной Армии в тех местах, где кашляли рабочие ХПЗ вчера и где шумели студенты, и аплодировали, слушали в полной тишине в тех местах, где аплодировали рабочие, студенты и командиры.

В чем ценность этого факта? В том, что никогда, ни в одну эпоху драматурги не имели такого зрителя с единым устремлением, с единым чувством восприятия мира, зрителя активного, волнующегося, зрителя высокой культуры. У нас снята проблема — на кого работать. В этом величайшая радость творчества. Каждый из нас помнит, как бережно критикуют слабые места наших пьес на рабочих диспутах, какой любовью нас окружают. У нас нет конфликта между драматургом и зрителем.

Наша драматургия сделала большие успехи, но наши творческие достижения, по сравнению с творчеством пролетариата, еще недостаточны: наше творчество намного отстает.

Главная причина отставания в том, что мы скользим по поверхности, мы идем за событиями, а не освещаем огненным словом пути, по которым идет новый человек.

Чем увлечь зрителя, чем его взволновать? Этот вопрос всегда стоит перед нами, особенно молодыми драматургами.

Мне кажется, что построить роман или пьесу так, чтобы читатель не знал, чем кончится, легче, чем строить так, что все судьбы героев вначале начертаны, а произведение волнует.

Для нас все судьбы героев ясны. Носителей капиталистических элементов мы уничтожили, представители старого мира ушли навсегда, и оставшиеся осколки этого мира рассыпаются в пыль от каждого дня наших великих побед. Судьбу нового человека начертала история, работающая на нас. Но величайшая наша задача—показать сложнейшие пути, по которым идет человек к ясной цели — к бесклассовому обществу, найти своеобразие в этом движении, неповторимое и типичное только для нашей эпохи и для наших дней. В этом корень, и это изменяет ключ к построению наших произведений, независимо, пьеса это или роман. Если мы пойдем этим путем, тогда не будет конфликта между выводимыми в пьесе характерами и драматической коллизией. Тогда не придется втискивать образ в несвойственную ему ситуацию.

Мы много говорим об экспериментах, но самих экспериментов в нашем творчестве еще очень мало. Мы очень спешим. Малейшую новую деталь, свежее положение сразу превращаем в теорию, в школу, а около этой школы создаются школки.

О больших и средних людях. Здесь тоже еще много неясного. Одни говорят — нужно брать больших людей, героев и по ним строить пьесу.

Есть другой путь, более сложный — это предупреждать такие великие события, показать наших обыкновенных строителей, авиаторов, агрономов и т. д., людей, которые кажутся на первый взгляд ничем не отличающимися от других, но таящих в себе величайшие силы. Их нужно художнику раскрыть, показать их.

Как-то я раскрыл один старый журнал, который выходил еще до революции. В один из юбилеев **Чехова** там был помещен в центре портрет Чехова в окружении его героев в гримах, — образы, выведенные им в пьесах. Вокруг него были сотни разных людей. Но если взять портреты наших драматургов, а вокруг них портреты их героев, то окажется, что мы так дублируем один другого, что будет больше портретов драматургов, чем героев, созданных этими драматургами. **(Аплодисменты).**

Борьба за качество нашей литературы идет во всех республиках. На украинский с'езд тт. **Первомайский, Кочерга, Любченко, Мизюн** и др. пришли с новыми достижениями, с новыми пьесами, но основной тон их выступлений — это самокритика, это творческая неудовлетворенность.

Наш с'езд дал нам величайшую зарядку. Я предвижу огромную радость творчества. Этот с'езд расширил наши масштабы. Каждый из нас чувствует, какой любовью и вниманием окружают нас наш пролетарский читатель и зритель, какой любовью окружают нас наша социалистическая страна, наша партия и правительство. Ответом на это доверие пусть будут наши новые, высокого качества произведения, достойные нашей радостной эпохи. **(Аплодисменты).**

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ О СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ.

Драматургия и жизнь.

РЕЧЬ тов. ФАЙКО.

Советский драматург обладает одним преимуществом: ему не надо искать героя. Ему незачем зажигать свой фонарь, чтобы освещать темный тайник жизни в поисках человека, нового человека, героя нашей эпохи.

Эпоха пришла ему на помощь. Тайна жизни стала открытой, торжественной и ясной. Герой всюду, он не только в кабине стратостата или на льдах Арктики. Он гораздо ближе, гораздо обычней. Здесь, рядом, и на стройке, и в рудниках, и на транспорте, и в колхозе, и около нас в городе—в любом цеху, в любой лаборатории, в каждом вузе—везде, где идет жаркая ковка новых форм социалистической жизни. Нужно попристальнее вглядеться, прислушаться, а главное—взять на себя частицу общего труда, и без фонаря, без ланцета, без всяких уловок и ухищрений можно открыть то, что нужно драматургу.

Героев много. Материал напирает, лезет со всех сторон. От такого изобилия драматург готов подчас впасть в отчаяние.

Мне прежде всего, как и большинству из нас, хотелось бы говорить о той огромной ответственности, которую мы все ощущаем в нашей работе, которая волнует наши сердца, которая нам и радостна и страшна. О равнодушных и прохладных я не говорю. Я не говорю о фальсификаторах и лицемерах. Это их не коснется. Поток жизни выбросит их на берег, где их ничего не ждет,—им нечего достигать и не в чем ошибаться.

В чем причина разрыва между творчеством драматурга и его материалом, где корень этих частых несовпадений, этих постоянных перебоев?

В основе драмы лежат противоречие, конфликт. Мы часто и много говорим о конфликте старого с новым, о тормозящих пережитках умирающих идей и чувств, о трагедийных коллизиях уходящей жизни. Нашим драматургам удавалось вскрыть эти противоречия с достаточной яркостью и выразительностью. Вспомните «Закат» **Бабеля**, «Заговор чувств» **Олеши**. Но как только мы подходим к проблеме нового человека, как только мы пытаемся схватить живой образ героя-современника, так мускулы наши ослабевают. На нашем лице большей частью расплывается улыбка восторга или умиления. Мы отходим от об'екта на почтительную дистанцию и слегка даже преклоняем колена. Мы страшимся отяготить его противоречиями. Мы стремимся видеть его гладеньким и завершенным, без из'янов и трещин, без колебаний и сомнений. Наш драматургический резец превращается в сладкое перо одописца,—и получается не драма, а панегирик, не комедия, а похвальное слово или дифирамб. Мы сами удивляемся, почему все это вышло слишком плоско, однокрасочно и скучно, а главное неверно и ложно по существу и унизительно для нашего героя.

Очевидно, потому, что нельзя создавать драму, если стоишь не на равной позиции с тем человеческим материалом, который в этой драме действует. Очевидно, потому, что дифирамб в своей восторженной статике, враждебен духу драматической борьбы не только между людьми, но и внутри отдельного человека. Очевидно потому, что именно эта внутренняя борьба служит основой духовного роста человека, его преодолений, его побед. Новый гармоничный человек, человек социалистического бесклассового общества, может быть, это не персонаж драмы в старом смысле этого слова. У нас нет образцов и примеров, нам трудно построить на этой основе новую теорию драматического жанра.

Новый гармоничный человек — это наше страстное желание, наш призыв в будущее, наша творческая мечта, которая усилиями победившего и ведущего класса претворяется в жизнь.

Это не готовая застывшая и точно выверенная формула. Понять и показать эту человеческую гармоничность мы можем только в противоречиях конкретного развития. И пусть наша собственная негармоничность, наша нецельность, переходность нашей психики, нашего сознания не стоят препятствием в этой работе. Тут мало только верить и любить, мало преклоняться. Тут надо жить одной жизнью, дышать одним дыханием со своим героем.

Вот тут **Таиров** и **Ромашов** оба вчера вечером упомянули имя **Смирновой**—женщины, председателя колхоза, которая приветствовала наш с'езд. Она сказала замечательную речь, искреннюю, темпераментную, боевую. И не случайно, что режиссер и драматург заметили ее, что обоих она взволновала. Этой Смирновой хотелось как можно больше рассказать о своем колхозе, о своей работе и о себе самой. Да, именно о себе и, пожалуй, в первую голову о себе. Только положение вещей и обстановка с'езда принуждали ее иногда сбиваться на литературные темы. Это—новый человек, полный радостного трудового пафоса, полный энергии и уверенности в своем пути.

А сколько в ней можно было бы при желании заметить так называемых отрицательных черт,—какое честолюбие, и не только честолюбие, а тщеславие, какое почти патетическое хвастовство! Как работает ее колхоз, да что она сама сделала для своего колхоза, какое у нее великолепное льняное хозяйство. Председатель колхоза,—да ведь это нисколько не меньше директора фабрики. Своего мужа, рядового колхозника, она учит, настаивает, даже наказывает. А ведь раньше было наоборот,—кто знает, может быть, были и побои. А теперь хозяйка она! Она руководитель! Она начальство! Как она сознает это превосходство и как она наслаждается им! И вот эти черточки и штрихи, как будто бы и отрицательные, соединяясь, дают новую, неожиданную комбинацию в человеке наших дней, наших социалистических устремлений, нашего советского творческого труда. Ее отношение к работе, к колхозу, цель ее жизни, направление ее темперамента и воли превращают ее в великолепный полноценный образ современности.

Смирнова пеняла тут на **Шолохова** за его Лукерью. За то, что он недооценил женщину, показал ее главным образом, в ее, так сказать, любовных функциях. Только «ласкающую Лукерью», как она выразилась. Я слушал ее и думал: а какова ты сама в любви? (Да простит она меня за это!) Какие неожиданые повороты психики, какие новые грани личности могла бы ты обнаружить? Ты—как женщина, любимая и любящая. Или, может быть, тебе все это чужо? Тебе мешают колхозные заботы? Планы и распределение трудодней? Нет, здесь нет разрыва. Это—единый поток сильной и яркой жизни. Ты цельнее и богаче, чем сама хочешь себя показать и чем мы привыкли о тебе думать.

Драматург не должен бояться придумывать вот эти новые обстоятельства к изображаемому персонажу. Он не должен чураться «кощунства» и «святотатства», потому что подлинный советский драматург—не ловкий фокусник и не холодный экспериментатор, а страстный и нетерпимый участник общего нашего социалистического дела.

Да, товарищи, ответственность наша громадна. От нее нам не спрятаться. Надо сказать, что работа драматурга отличается особыми, ей одной свойственными трудностями. Нашу драматургию часто ругают, указывают, что она далеко еще не достигла высот нашей прозы. Все это справедливо. Но надо помнить, что наш советский материал разрушает освященные веками стандартные клеточки и перегородки. Он ищет для себя новое помещение, новые архитектурные масштабы и пропорции.

Я не жалуюсь и вовсе не хочу поставить драматургию на какое-либо исключительное место. Поблажки просить не годится. Я хотел бы лишь отметить, что драматург, работая над новой, социалистической тематикой, помимо борьбы с материалом, испытывает постоянно борьбу с самим собой. Он должен держать себя в ежовых рукавицах. При максимальном напряжении темперамента он должен обладать суровым даром самоограничения. При максимальной эмоциональности он должен владеть холодным расчетом конструктора, при высоком лиризме он должен достигать вершин об'ективности. Дело тут, конечно, не только в технологических тонкостях, дело в ощущении нашей непосредственной близости к воспринимающей массе нового зрителя, в ощущении этого одновременно интимнейшего и публичнейшего контакта с ним.

Да, ответственность драматурга в наше время громадна. Вот тут и ощущаешь особенно остро, особенно глубоко все наши несовершенства: излишнюю медлительность и робость или чрезмерно лихой, необдуманный наскок. Начинаешь понимать при каждом новом почине, сколько усилий и выдержки мы должны вложить еще в наше дело. И в неразобщенной, а в дружной и безжалостной взаимной проверке.

Может быть, наши ближайшие потомки, те самые, образ которых мы хотим уловить в наших пьесах, скажут нам, просматривая наши произведения:

— Да, дяденьки, не важно вы тут коечего написали. Трудновато, конечно, сами понимаем, но постарались вы здорово...

А мы им крикнем в ответ, очевидно, старческими голосами: «А вы не очень дразнитесь. Счастливцы какие! Подготовочку все-таки получили, ну и дуйте дальше. Перед вами еще много работы и какой: чудесной, несказанно радостной, еще невиданной в мире работы!» **(Аплодисменты).**

Делегаты Туркмении: КЕКИЛОВ, ИШАНОВ, ШАМУРАДОВА беседуют с тов. МАЛЫШКИНЫМ.

О СОВЕТСКОЙ КОМЕДИИ.

РЕЧЬ тов. Н. НИКИТИНА.

В середине прошлого века кавалерийский генерал Сакен, об'езжая Новороссийские степи, заботился о древесных насаждениях. Однажды, сделав смотр, он любовался свеженькой березовой аллейкой. Сакен, поглаживая любовно березки, спросил вахмистра: «Ну, как, братец, ты думаешь,—примется ли она?»

— Так точно, ваше превосходительство, беспременно примется,—отвечал бравый вахмистр.—так-что завтра мы их все повытаскаем в чехаус на метлы.

Сакен вырвал березку. Она оказалась без корней, с заостренным стволом. Последовали выговоры, наказания. Но в других местах повторилось то же самое. Своеобразные озеленители были упорны. Зато в третьем месте, когда Сакен пробовал выдернуть березку, она крепко сидела в земле, как он ни старался ее выдернуть. А секрет был прост. Хитрецы пригвоздили к стволу березки деревянный крест (точно таким же образом, как когда-то делали у рождественских елок) и с крестом зарыли березку в землю.

Дорогие товарищи, не напоминают ли вам эти березки некоторые из наших пьес, не втыкаем ли мы березку без корней? И когда нас ловят критика, общественное мнение, не с прежней ли, достойной лучшей участи, рачительностью пытаемся мы всех обмануть, приколачивая к нашей березке крест?

Когда-то (эти времена теперь нам кажутся историческими) Советская республика, отбиваясь от врагов, имела в своих руках чуть ли не 3 города: Москву, Петроград и Тулу. И в это же самое черное, суровое время были поставлены гидрографами первые столбы на Волховстрое. Те столбы в то время казались сном, мечтой. Прошли годы, и мы видим — **Ленин** умел мечтать.

А первая пятилетка? Чья эта мечта? Это мечта человека, который, справляясь с настоящим, умеет мечтать о будущем. Это—мечта **Сталина**.

Если бы писатели научились мечтать так же зорко, в нашей стране была бы величайшая литература в мире. Так должен думать художник, так должен думать критик. Я совершенно не согласен с мыслью **Погодина**: «Давайте меньше думать об эпохах. Эпохи отберут и оставят для себя, что будет нужно — без нас».

Конечно, без нас, в этом нет никакого сомнения. Но, работая, давайте все-таки думать о будущем. Плох тот художник, который скажет себе: «Я работаю только на определенный отрезок времени». Я думаю, что Погодин-драматург, когда он пишет пьесы, а не доклады, работает сложнее и все-таки тоньше. Писатель без умения мечтать — это **Гете без Фауста**.

Все то, что казалось когда-то мечтой—свержение царя, власть рабочих, цветы на заводах, перестройка человека,—все осуществилось, все осуществляется. Не повседневные факты, не будни жизни, а необыкновенные люди, люди больших движений, люди величайшего бескорыстия, люди величайшей смелости и величайшей мысли,—вот истинные персонажи.

В докладе Погодина сказано, что мы потеряли систему жестов, что жест утерян, что нельзя применить жест к человеку нашего времени.

Напомню один маленький эпизод на этой же самой трибуне, когда на ней стоял **Никита Изотов**, а сзади еще несколько человек. Он, гордо протягивая руку, сказал: «Вот они со мной, мои ученики». Это был широкий жест, и этот жест художник может расшифровать не просто прямолинейно, не по прямой линии. Нужно угадать этот жест.

Такое же прямолинейное отношение и к жесту и к мысли у нас наблюдается и в комедии, у нас культивируется комедия «веселого смеха». Мне кажется, что нужно создавать не милый смех уютной домашней комедии, а какую-то вакцину против микробов старого мира, которые еще сидят в нашем теле.

Этим я совсем не хочу сказать, что должны быть уничтожены так называемые малые формы или легкая комедия, комедия шуток, комедия милого смеха. Утверждать это мог бы только какой-нибудь Савонарола, загибщик средневековья. Я хочу подчеркнуть только, что высокая драма, высокая комедия—вот генеральный путь нашего театра.

Драматург уклоняется от «мелочей», драматург предоставляет их разоблачителю-фельетонисту, журналисту. Однако, именно он, художник, должен был бы отбросить шутливое, спокойное перо и взять в руки кинжал.

Давайте скажем прямо: советская обличительная комедия — дело тяжелое, трудное и ответственное. И здесь возможны различные опасения, но тем необходимее заняться нам этим ответственным и политическим делом.

Героическая драма, достойная наших героических дней, обличительная советская комедия, как орудие борьбы против врагов пролетариата, — и то и другое скрещиваются в одной точке. Эта точка — политическая целеустремленность. Это прицел для работы. В этом направлении я вижу выход советского театра. Некоторые из товарищей уже стоят на этом пути. И я верю, что в ближайшие годы мы дадим совершенные образцы высокой героической драмы и высокой советской комедии. **(Аплодисменты).**

Хлеб остается в поле.

(От специального корреспондента «Правды»).

Урожай на Средней Волге небывалый. Засушливые левобережные районы не видали такого урожая восемь—десять лет. Хороший урожай—не только результат благоприятных климатических условий, но и результат действительно большевистской борьбы всех колхозников против засухи и суховея. Задача заключается в том, чтобы собрать полностью обильный урожай, выполнить своевременно зернопоставки и добиться полновесного трудодня. Однако, судя по ходу уборки, Средняя Волга рискует потерять огромное количество хлеба. Уборка в большинстве районов затягивается. Огромное количество хлеба лежит в валках. Больше того, десятки тысяч центнеров уже обмолоченного хлеба ссыпано в поле на наскоро оборудованных токах.

Обшаровская МТС, на Средней Волге, по общему признанию, убирает неплохо. И даже в этой МТС большое количество хлеба под угрозой порчи. Например, в колхозе «Большевик» **6.000 центнеров обмолоченной пшеницы лежит в буртах прямо на земле, под открытым небом.** И колхоз «Большевик» — не исключение, он, пожалуй, отражает общее состояние большинства колхозов левобережных районов Средней Волги. Такую же картину можно наблюдать в колхозах Кинель-Черкасского, Бузулукского и других районов. Даже в совхозах, располагающих большим количеством автомашин, в поле остается огромное количество хлеба. Так, в совхозе им. Войкова **4.000 центнеров пшеницы** свалено прямо в поле, недалеко от железнодорожного полотна. Хлеб отсырел и уже начинает портиться. Однако это никого не тревожит. Хороший урожай вскружил кое-кому голову.

Имея большой урожай, люди пытаются узаконить потери и местами безобразно относятся к хлебу. На инзенском ссыпном пункте, например, **3.000 центнеров чистосортной пшеницы лежит в буртах под открытым небом, хотя имеются свободные складские помещения.**

Напряженность с тяглом и автотранспортом, казалось бы, обязывала все организации Средней Волги лучше организовать уборку, использовать все машины и значительно поднять производительность труда колхозников. Этого, однако, нет. Тот же автомобильный парк используется из рук вон плохо. Большое количество автомашин стоит, чрезмерно часты аварии машин и поломки. Живое тягло используется нерационально, быки в ряде районов вовсе не работают.

Если положение в самые ближайшие дни не изменится, колхозы Средней Волги рискуют затянуть хлебосдачу и потерять большое количество уже обмолоченного хлеба.

Необходимо в несколько раз ускорить вывоз обмолоченного хлеба с поля на элеватор. Возможности к этому имеются в каждом колхозе, в каждой МТС. Лучшим подтверждением этого являются передовые колхозы, сумевшие уже полностью рассчитаться с государством и весь обмолоченный хлеб вывезти с поля.

И. КИСЕЛЕВ.

Меньше, чем в прошлом году.

ГОРЬКИЙ, 28 августа. **(Корр. «Правды»).** В Горьковском крае на 25 августа текущего года заготовлено хлеба значительно **меньше**, чем было на это же число прошлого года.

Урожай в крае лучше прошлогоднего, обмолочено зерна больше, чем в прошлом году, а зернопоставки идут значительно хуже. Это происходит потому, что краевые и местные организации не сумели с самого начала организовать хлебосдачу, пресечь отдельные проявления антигосударственных тенденций. Именно поэтому Удмуртская автономная область, сдавшая к 15 августа прошлого года 75 тыс. тонн зерна, сдала теперь к этому же сроку только 32 тыс. тонн, а Марийская автономная область сдала **вдвое меньше** прошлогоднего.

В ряде районов и колхозов этих областей хлеб с молотилок шел прямо в амбары и закрома колхозников. В **Чепецком** сельсовете, Кезского района, Удмуртской области, председатели многих колхозов распорядились первый обмолот хлеба распределить между колхозниками. Руководители Кезского района знали об этом, но мер никаких не приняли. В Сернурском районе, Марийской области, в колхозе **«Прогресс»** постановили хлеб государству сдать после осеннего сева.

Либеральное отношение местных партийных и советских организаций к подобным явлениям приводит к тому, что, например, колхозы Верхошижемского района до сих пор не сдали государству **ни одного килограмма хлеба**, хотя давно уже начали обмолот. В Советском районе единоличники, не сдавшие государству ни одного килограмма хлеба, открыто перемалывают свое зерно на мельницах. Единоличники ряда сельсоветов Яранского района, отказывающиеся выполнять хлебопоставки, открыто торгуют хлебом в соседнем Советском районе. Такие примеры не единичны.

ШВАРЦШТЕЙН.

Единоличники не торопятся.

РОСТОВ-на-ДОНУ, 28 августа. **(Корр. «Правды»).** В Азово-Черноморском крае за последнее время зернопоставки замедлились. И это несмотря на то, что в большинстве колхозов и совхозов края косовица уже закончена и освободилось большое количество рабочих рук и тягловой силы.

Зернопоставки плохо организованы. Обмолоченное зерно есть всюду, но во многих местах оно не вывозится, остается на токах под открытым небом, насквозь промокает от дождя, согревается, прорастает. В колхозе **«Восток»**, Павловского района, под открытым небом лежат 70 тонн зерна. В третьей, четвертой и пятой бригадах колхоза зерно начало согреваться. В колхозах Отрадненской МТС на токах и в амбарах скопилось 15 тыс. центнеров зерна.

Из-за несогласованной, плохой работы Заготзерна и Северокавказской ж. д. некоторые элеваторы в крае переполнены зерном. На одном лишь **Гиагинском** элеваторе, Майкопского района, скопилось около 6 тысяч тонн хлеба. Все амбары и навесы элеватора переполнены зерном, которое согревается и кое-где уже горит.

Отражается на зернопоставках и то, что сотни единоличных хозяйств до сих пор не сдали государству в счет обязательных поставок **ни одного килограмма зерна**. Единоличники Кошарского, Ванновского, Верхне-Донского, Леоно-Калитвенского, Мальчевского, Обливского, Вешенского и Тихорецкого районов за 15 дней августа сдали всего около 3 тонн хлеба. В станице Афипской, Северного района, ни одно из 207 хозяйств не начало поставку зерна.

В. ЛУККЕР.

Портятся десятки тысяч тонн хлеба.

ВОРОНЕЖ, 28 августа. **(Корр. «Правды»).** В воронежской областной конторе Заготзерна сокрушаются: хлебосдатчики, видите ли, спутали все карты и создали чрезвычайно затруднительное положение. Предполагалось принять к 1 сентября 35 проц. годового плана, а к 20 августа поступило уже до 50 проц. Этот «неожиданный» наплыв хлеба и вызвал чрезвычайное напряжение на приемных пунктах.

Составляя планы приемки хлеба, заготовительные организации исходили из прошлогодних темпов зернопоставок. Они не проявляли особой заботы о подготовке дополнительной складской площади, бунтовых площадок, навесов, брезентов. Было намечено построить 48 новых складов вместимостью в 1.000 тонн каждый. К 10 августа построили 34. Остальные 14 складов будут готовы не раньше чем через месяц. На многих ссыпных пунктах нет бунтовых площадок. Нехватает больше тысячи брезентов.

Все склады на пунктах и элеваторах переполнены хлебом. В большинстве пунктов хлеб складывают в бунты прямо под открытым небом. В бунтах лежит 27.420 тонн хлеба (в том числе 8.624 тонны, не укрытых брезентами). Там, где нет брезентов, хлеб прикрывают соломой или старыми, дырявыми мешками.

На складах много влажного и сырого хлеба — 90.569 тонн с влажностью 17 проц. и 19.092 тонны с влажностью в 18—19 проц. В ряде пунктов хлеб начал согреваться. На станции **Россошь** 4.500 тонн хлеба согрелось, температура достигает 45 градусов. На станции **Избердей** на недостроенном складе, покрытом дырявым брезентом, лежит 1.600 тонн ржи, нагревшейся до 45 градусов. Всего, по данным Заготзерна, на приемных пунктах имеется 8.5 тыс. тонн согревшегося хлеба с температурой от 35 до 45 градусов.

Нужны срочные меры для того, чтобы спасти сырое, согревающееся зерно, но районные организации не оказывают помощи приемным пунктам. Районные хлебные тройки, которые должны были быть созданы по решению областного комитета партии, в большинстве районов не работают, а в некоторых районах даже не созданы. Областная хлебная комиссия, созданная 17 августа, еще ни разу не собиралась.

Положение осложняется тем, что железная дорога недодает вагоны для отгрузки хлеба. В августе недодано 6.000 вагонов. На сентябрь Заготзерну нужны 29.000 вагонов, а НКПС предоставляет 16.000.

В Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП(б).

О газете «Штурм» фабрики «Волна революции».

На спичечной фабрике «Волна революции», в Новозыбковском районе, Западной области, по жалобам рабочих, фабричной газетой «Штурм» вскрыты бюрократическое отношение к нуждам и запросам рабочих, большие недостатки в деле рабочего снабжения, систематическое игнорирование фабричными организациями заметок и писем рабочих в газете, преследование рабкоров. Работница **Плетешнова**, старая рабкорка, за критику цеховой администрации подверглась притеснениям и увольнению.

Питание рабочих в фабричной столовой было поставлено плохо, а в магазинах отдела рабочего снабжения, засоренных чуждым элементом, производилось систематическое обсчитывание и обвешивание.

Культурно-массовая работа на фабрике была в загоне, «легкая кавалерия» отсутствовала.

Фабричная газета «Штурм» (редактор т. **Шевелев**), сумевшая сплотить рабкоровский актив, развернула большую разоблачительную кампанию и, не встречая поддержки со стороны парткома, продолжала борьбу через районную и центральную печать, проявив большевистскую настойчивость в борьбе за осуществление массового контроля, доведя это дело до Москвы.

КПК, рассмотрев это дело, констатировала, что партийные, комсомольские и профсоюзные организации фабрики, несмотря на жалобы рабочих и сигнализацию газеты «Штурм», не только не принимали никаких мер, но обнаружили недопустимое пренебрежение к этим сигналам и жалобам.

КПК подтвердила снятие с работы секретаря парткома фабрики «Волна революции» т. **Беграда** и об'явила ему выговор.

Секретарю Новозыбковского райкома т. **Филиппову** за слабое руководство партийной работой на этой крупнейшей в Новозыбковском районе фабрике поставлено на вид.

Обращено внимание обкома Западной области на то, что им не было уделено достаточного внимания работе на одной из крупнейших фабрик Западной области — «Волна революции».

Партколлегии КПК предложено рассмотреть вопрос о партийности зав. отделом рабочего снабжения фабрики «Волна революции» т. **Смитно**.

Вопрос о состоянии комсомольской организации фабрики «Волна революции» предложено обсудить ЦК ВЛКСМ.

НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕМЫ.

Неудача Яльмара Шахта.

Сказка о «Золотой Марии» — одна из самых распространенных в Германии. С каждым словом, которое произносила эта столь же прекрасная, сколько и добродетельная Мария, у нее изо рта выскакивал золотой, и поэтому нет ничего удивительного в том, что она в конце концов заполучила своего принца.

Вся германская экономическая и валютная нужда была бы разрешена одним ударом, если бы председатель Рейхсбанка и хозяйственный диктатор Третьей империи Яльмар Шахт обладал таким же чудесным даром. И никто не может упрекнуть Шахта в молчаливости. Но, увы!—После каждого его ораторского выступления денежный мешок за границей затягивается все туже.

На протяжении одной недели Шахт выступил три раза: в порядке избирательной пропаганды, в интервью с корреспондентом «Чешске слово» и в Лейпциге, где он в связи с открытием ярмарки принимал представителей германской и иностранной печати.

Когда Шахт обращается к германскому населению, то, само собой разумеется, во всех бедствиях он обвиняет исключительно прежние правительства. В интервью с «Чешске слово» Шахт изображает из себя этакого откровенного рубаху-парня: «Разве можно сказать, что мы теперь переживаем более критическое положение, чем раньше? Ведь мы из одного кризиса попадаем в другой. Германия прошла через такие трясины, что и на этот раз она тоже кое-как выберется».

В Лейпциге Шахт говорит уже заметно другим тоном. «Мы одни, — жалуется он, — конечно, ничего не можем сделать, чтобы выйти из теперешнего положения, которое толкает нас к автаркии. Все наши надежды основаны на том, что хозяйственное благоразумие за границей возьмет верх над известными политическими тенденциями».

Но тут же он признает, что именно опасения иностранных экспортеров, — германских поставщиков, — за свои деньги, а не «политические тенденции» вызывают ежедневно усиливающийся кризис германского сырья. Он даже признает далее, что эти опасения вполне основательны, потому что «действующая система распределения валюты не дает ни германским купцам, ни иностранному капиталу уверенности в том, что импортируемые товары вообще будут оплачены. Отсюда и возникает такое положение, когда иностранные товары могут поставляться в Германию только за немедленный наличный расчет».

То, что Шахт добавляет относительно нового проекта распределения валюты, свидетельствует лишь о величайшей растерянности руководящих кругов Германии. Новый проект, как бы остроумен он ни был, не прибавит ни одного пфеннига к тающему золотому запасу Рейхсбанка и не увеличит возможностей закупки сырья за границей.

И именно поэтому заслуживает внимания то, что Шахт заявляет насчет проектируемых правительством мер, предназначенных для усиленного развития суррогатной промышленности и экспортного демпинга путем использования в качестве дешевой рабочей силы безработных.

Сомнительно, однако, чтобы Шахту удалось запугать иностранных банкиров автаркией и демпингом. За границей уже привыкли к блефам Шахта. Там по меньшей мере так же ясно, как Шахт, видят, что его политика неизбежно повлечет за собой усиление брожения внутри страны и дальнейшее обострение классовой борьбы. Международные банкиры вряд ли пожелают бросать в этот кипящий котел новые займы, разве только на очень точных и жестких политических и экономических условиях.

Фашистская Германия стоит на пороге неслыханно голодной зимы, и Шахт путем нового шантажа зондирует почву — не удастся ли германскому фашизму добиться помощи извне.

Л. К.

СОВЕТСКАЯ МИССИЯ НА МАНЕВРАХ ИТАЛЬЯНСКОЙ АРМИИ.

РИМ, 27 августа. (ТАСС). Советская военная миссия во главе с заместителем начальника управления моторизации и механизации РККА тов. Урицким прибыла в Италию для присутствия на больших маневрах итальянской армии. Маневры, в которых участвовало около 5 корпусов итальянской армии, впервые происходили с участием сил воздушного флота.

На маневрах присутствовало одиннадцать иностранных миссий. В частности присутствовали: начальник генерального штаба Венгрии Рэдер, помощник начальника генерального штаба Франции генерал Лудэо, командующий военным округом Саксонии генерал Лист и все военные атташе.

Советской миссии был оказан исключительно внимательный прием. Продолжительная беседа состоялась между итальянским королем и Муссолини, с одной стороны, и членами советской военной миссии—с другой.

Представители иностранного командования проявляли к советской миссии живой интерес.

Французский журналист о Красной Армии.

ПАРИЖ, 27 августа. (ТАСС). Известный журналист Зауэрвейн, совершивший поездку в Советский Союз, дает в «Пари суар» следующую оценку Красной Армии:

«Красная Армия, без всякого сомнения, обладает сильной техникой. Величественная эпопея «Челюскина» показала ценность советских летчиков».

Констатируя «прогресс во всех видах оружия», Зауэрвейн отмечает также отличное моральное состояние Красной Армии и выражает свою уверенность, что в случае нападения Красная Армия будет драться героически.

Заразительная атмосфера колоссального энтузиазма.

Английский журналист о Советском Союзе.

ЛОНДОН, 28 августа. (Соб. инф. «Правды»). «Дейли геральд» напечатала большую статью Гордона Хельби, недавно посетившего СССР.

«Вряд ли о какой-либо стране, — пишет Хельби, — распространяли когда-либо столько небылиц, сколько распространяют сейчас об СССР. Россия сейчас вовсе не является в первую очередь политической проблемой, и экономическая сторона колоссального эксперимента, который там проводится, имеет гораздо большее значение. Чем скорее мы поймем, что Советский Союз уже давно вышел из периода нищеты и голода, тем легче мы сможем понять истинный характер и судьбы этой страны.

Описания «бедственного положения» советских граждан не заслуживали бы серьезного внимания мыслящих людей, если бы этими описаниями не занимались такие высокопоставленные люди, как архиепископ кентерберийский, и если бы они не печатались в таких газетах, как «Таймс» и другие.

Я только что вернулся из СССР. Должен сказать, что я провел несколько дней на Украине, побывал в больших и в маленьких деревнях и видел множество крестьян и горожан. Я раз'езжал без проводника и отправлялся куда угодно.

Я вынес из Украины вполне определенное впечатление, а именно, что население там лучше живет, чем где бы то ни было в другом месте, лучше питается, лучше одевается. Я видел, как крестьяне радостно снимали богатую жатву; я видел, как в городах развлекались рабочие после работы.

Мой знакомый журналист, побывавший на Украине несколькими неделями раньше и проживший там больше времени, чем я, вынес то же впечатление.

Не подлежит сомнению, что массы в СССР живут теперь гораздо лучше, чем при царском режиме. Для всякого желающего работать имеется вполне достаточно работы, и нужно отметить обилие доброкачественных продуктов питания. Везде вырастают новые дома. Вас окружает заразительная атмосфера колоссального энтузиазма, самой ревностной работы и решимости добиться во что бы то ни стало успеха».

Пролетарские ходоки в страну террора и голода.

(По телеграфу от парижского корреспондента «Правды»).

ПАРИЖ, 28 августа. Вчера состоялся доклад двух делегатов, вернувшихся из Германии, а именно журналиста Кристофоля и проф. Крозе. Последние были отправлены в Германию автономной федерацией государственных служащих. Обоим делегатам поручено было обследовать положение политических заключенных в Германии и повидаться с Тельманом.

Кристофоль и Крозе не смогли видеть Тельмана, несмотря на все усилия. Их отсылали из одного учреждения в другое, но не показали ни одной тюрьмы, ни одного концентрационного лагеря. После долгих усилий им удалось поговорить с одним из помощников Геббельса—Баде, который уверял их, что Тельман «хорошо себя чувствует», так же как и Торглер. Он добавил, что Тельмана будут судить через несколько месяцев в верховном суде за «государственную измену» и что «ему грозит тюремное заключение до 10 лет, но отнюдь не смерть».

Делегаты потребовали ответа, правда ли, что Тельмана пытали за отказ подписать документ, выгодный для национал-социалистов. Баде ничего не ответил. Это молчание делегаты считают подтверждением сообщений о пытках, которым подвергается Тельман. Оба делегата находились в Берлине во время «плебисцита». Национал-социалисты внимательно следили за бюллетенями голосовавших. По мнению Кристофоля, 50 проц. голосовавших были настроены против национал-социалистов, но были пущены в ход жульнические махинации. В одном рабочем квартале больше 200 человек подтвердили, что голосовали против Гитлера за Тельмана. Однако при подсчете бюллетеней было заявлено, что все до одного голосовали за Гитлера!

Делегаты рассказывают о неудаче берлинской демонстрации, организованной в связи с национал-социалистской «победой» на «плебисците». Она собрала не больше 8 тыс. человек, большинство которых было согнано по команде. Все шествие демонстрантов продолжалось не больше 25 минут.

В общем делегаты вынесли впечатление о Германии как о стране голода и нужды, где растет борьба против фашистского режима.

Реми.

Боятся правды.

(По телеграфу от лондонского корреспондента «Правды»).

ЛОНДОН, 28 августа. Делегация рабочей молодежи, избранная на антивоенном с'езде в Шеффильде для посещения Тельмана, была вместе с французской, испанской и чешской делегациями принята чиновником министерства пропаганды Фольбартом. Ей было отказано в требуемом свидании.

Как отмечает «Дейли уоркер», Фольбарт вел себя крайне вызывающе, отделываясь бессодержательными и грубыми ответами. Фольбарт заявил, что процесс Тельмана будет разбираться в верховном лейпцигском суде. В ответ на вопрос, будет ли суд над Тельманом публичным, Фольбарт сослался на неосведомленность.

Когда делегаты потребовали, чтобы им дали возможность посетить некоторые концентрационные лагери, Фольбарт неожиданно об'явил, что в результате «амнистии» концлагери стали очень «маленькими» и «потеряли всякое значение». Далее фашистский чиновник грубо сказал, что не хочет ничего больше слушать.

Делегированные рабочие заявили фашисту: «Вы боитесь, что мы собственными глазами увидим правду. Вы нас не хотите слушать, но рабочие наших стран послушают нас, когда мы вернемся».

Майорский.

Лавина анонимных писем.

(От специального корреспондента «Правды»).

БЕРЛИН, 28 августа. Национал-социалистские газеты получают массу анонимных писем. Повидимому, анонимное письмо представляет в условиях Третьей империи единственную возможность излить душу и высказать мнение.

«Ангриф» приводит некоторые, повидимому основательно причесанные, выдержки из этих писем. В части этих писем высказываются сомнения насчет правильности подсчета голосов при «плебисците» 19 августа. Так, например, автор одной корреспонденции, подписавшийся «Рот-фронт», считает, что против голосовали не менее 7½ млн человек.

Некоторые корреспонденты рисуют тяжелое положение рабочих, посланных в деревню, где они голодают, получают нищенское жалованье и вынуждены нищенствовать. Бывшая сестра милосердия из Шарлоттенбурга пишет, что ее выбросили с работы за политические убеждения.

Приводя подобранные отрывки из писем, поступивших в редакцию, «Ангриф» с «удовлетворением» констатирует, что в них «высказываются личные жалобы», а не политические. Газета старается прикинуться наивной, но это ей плохо удается.

Дм. Бух.

Железнодорожный мост в префектуре Тойяма (Сев.-Зап. часть Японии), разрушенный наводнением.

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Подготовка к морским переговорам.

Два американских крейсера на каждый японский.

ВАШИНГТОН, 27 августа. (ТАСС). Морское министерство об'явило о своем намерении соорудить в будущем году 24 военных судна вместо намеченных первоначально 20 судов. 4 дополнительных военных корабля включают один авионосец в 15 тыс. тонн, 2 крейсера по 8 тыс. тонн и 1 эсминец.

НЬЮ-ЙОРК, 27 августа. (ТАСС). Нью-йоркская «Дейли ньюс» в статье о японо-американских отношениях напоминает Соединенным Штатам об изречении Катона, что «Карфаген должен быть уничтожен». Указав, что «Соединенным Штатам нужен свой Катон», газета продолжает:

«Япония является милитаристской страной, подготовляющей войну против США. Мы не считаем, что Япония должна быть уничтожена. Американский Катон должен требовать, чтобы США строили по 2 военных судна на каждое японское судно. Если американский флот будет вдвое сильнее японского, то он сможет добиться, чтобы война с Японией велась далеко в Тихом океане и с достаточными шансами на победу. В противном случае можно будет ожидать, что мы лишимся Гавайских островов и что японцы будут совершать налеты на наше Тихоокеанское побережье».

ТОКИО НАСТАИВАЕТ НА РАСТОРЖЕНИИ ВАШИНГТОНСКОГО ДОГОВОРА.

ТОКИО, 27 августа. (ТАСС). Ссылаясь на интервью морского министра Осуми от 26 августа, газеты сообщают, что кабинет решил обсудить вопрос о сроке расторжения вашингтонского договора в начале сентября. Агентства «Симбун ренго» и «Хоци» подчеркивают, что одновременно кабинет окончательно установит японскую политику по отношению к конференции 1935 года.

Ссылаясь на информированные источники, газета «Мияко» утверждает, что Окада, Хирота и Осуми договорились, что Япония выразит готовность вывести из строя корабли общим водоизмещением в 230 тыс. тонн, если морские державы согласятся установить общий тоннаж каждого флота в 500 тыс. тонн на основе полного равноправия всех участников морского соглашения по вопросам морских вооружений.

«СКРОМНЫЕ» ЗАДАЧИ ОБЩЕСТВА «ВЕЛИКОЙ АЗИИ».

ТОКИО, 27 августа. (ТАСС). По сообщению агентства «Симбун ренго», в Токио 25 августа состоялось торжественное собрание вновь организованного «Общества независимости Великой Азии». В принятой собранием резолюции между прочим указывается, что «Общество организуется в надежде на установление независимости Индии, а также с целью организации Лиги Великой Азии».

ВОЕННЫЕ ГРУЗЫ ДЛЯ ЯПОНИИ.

ВЕНА, 28 августа. (ТАСС). Печать сообщает о крупных японских военных заказах в европейских странах. По сообщению «Базлер форвертс», в Базель прибыли из Америки 30 тонн пироксилина.

По сведениям газеты, этот пироксилин адресован заводам, выполняющим военные заказы для Японии. Венгерская газета «Мадьяршаг» сообщает, что заводы в Штирии и др. австрийских провинциях получили крупные заказы из Японии.

МАНЕВРЫ ЯПОНСКОГО ФЛОТА.

(По телеграфу от шанхайского корреспондента «Правды»).

ШАНХАЙ, 28 августа. 26 августа японцы начали в Чжилийском заливе комбинированные морские, воздушные и сухопутные маневры. Первый день был посвящен «борьбе» японского флота с «американским», второй день — с «британским» флотом.

В маневрах участвовало больше 20 военных кораблей.

Гартман.

ТОКИО, 27 августа. (ТАСС). Соединенная эскадра под командованием адмирала Суэцугу 26 августа вышла из Иокосука в воды Хоккайдо для проведения маневров. Маневры включают поход 75 кораблей эскадры из вод Хоккайдо в Дайрен вдоль японского побережья Японского моря, а также отправку около 80 самолетов морской авиации из Дайрена в Чанчунь и Харбин. Эскадра вернется в район Осака в октябре.

ЯПОНСКИЕ ОФИЦЕРЫ В АРМИИ МАНЧЖОУ-ГО.

ТОКИО, 27 августа. (ТАСС). Газета «Иомиури» сообщает, что в ответ на просьбу манчжурского правительства японское военное министерство подбирает 100 резервистов для занятия командных постов в манчжурской армии.

Напоминая, что уже в 1933 г. значительное число чинов японской армии, находящихся в резерве, поступило на службу в манчжурскую армию в качестве офицеров, «Ниципо цусин» указывает, что военное министерство и на этот раз отбирает для занятия офицерских постов в армии Манчжоу-Го несколько сот резервистов.

Маневры танковых соединений в Англии.

ЛОНДОН, 28 августа. (ТАСС). Вчера на маневрах британской армии в долине Сельсбери танковые батальоны практиковались в организации дымовых завес для прикрытия передвижения войск.

При всех смешанных батальонах легких и средних танков имеется по нескольку бронированных танков, специально приспособленных для организации дымовых завес. Таких танков при каждом батальоне имеется по одному на каждые 7 обычных танков.

Атака доллара против фунта.

ЛОНДОН, 28 августа. (ТАСС). Вчера курс фунта стерлингов в течение некоторого времени стоял в отношении французского франка на самом низком уровне со времени отказа Англии от золотого стандарта. Фунт стерлингов котировался в 75⅝ франка.

Из Парижа сообщают, что группа валютных спекулянтов, уже прежде извлекавшая большие прибыли из махинаций на фондовых биржах, распространила слух, будто маневренный фонд Английского банка уже почти иссяк. Английский же банк, убедившись, что этот слух может повлечь за собой опасные последствия, стал сбрасывать франки и производить крупные закупки фунтов стерлингов. В результате курс фунта стерлингов в отношении франка снова поднялся. Однако неустойчивость фунта стерлингов в отношении золотых валют остается доминирующим моментом на бирже.

С другой стороны, финансовый обозреватель «Морнинг пост» утверждает, что ключ к разгадке колебания курсов следует искать в Вашингтоне. По словам обозревателя, весьма вероятно, что в США произойдет новый сдвиг в сторону инфляции и что это приведет к дальнейшему падению курса доллара, что повлечет за собой также падение курса фунта стерлингов.

Накануне всеобщей стачки текстильщиков в США.

НЬЮ-ЙОРК, 27 августа. (ТАСС). Профсоюз текстильщиков, примыкающий к Американской федерации труда, назначил, начиная с 4 сентября, всеобщую стачку рабочих хлопчатобумажной промышленности.

Союз ожидает, что стачка охватит около 500 тыс. рабочих хлопчатобумажной промышленности и что в дальнейшем к ней примкнут около 300 тыс. рабочих других отраслей текстильной промышленности. По сообщениям печати, массы оказывают сильнейшее давление на руководство союза.

Перед конгрессом английских профсоюзов.

(По телеграфу от лондонского корреспондента «Правды»).

ЛОНДОН, 28 августа. 3 сентября открывается в Веймуте с'езд британских тред-юнионов. Подготовка к с'езду проходит в напряженной политической обстановке. С одной стороны, возрастает давление масс, тянущихся к единому фронту в борьбе против фашизма и войны. С другой стороны, буржуазия все настойчивее требует от профсоюзных вождей полного разрыва с «левой» политикой.

Майорский.

Подготовка к XX Международному юношескому дню во Франции.

ПАРИЖ, 27 августа. (ТАСС). «Юманите» сообщает, что продолжается подготовка к Международному юношескому дню под лозунгами создания единого революционного фронта в борьбе против фашизма и войны.

Газета отмечает, что в Марселе осуществлен единый фронт между социалистическими и коммунистическими организациями молодежи.

«Попюлер» сообщает, что в Валансе (департамент Дром) состоялся крупный антивоенный митинг, организованный совместно организациями коммунистической и социалистической молодежи.

Советские спортсмены по дороге в СССР.

БЕРЛИН, 28 августа. (Спец. корр. «Правды»). Советская спортивная делегация приехала вчера в Берлин и вечером уезжает в СССР.

В Москву делегация приедет 31 августа или 1 сентября, так как по пути она задержится в Минске.

ВЫСЕЛЕНИЕ ПОЛЬСКИХ РАБОЧИХ ИЗ ФРАНЦИИ.

ВАРШАВА, 28 августа. (ТАСС). «Курьер цодзенны» сообщает из Каттовиц, что ежедневно на пограничный пункт в Бейтене прибывают группы выселенных из Франции польских рабочих с семьями.

26 августа прибыл специальный поезд, привезший 100 рабочих с семьями. По сведениям газеты, в ближайшее время предстоит выселение около 2 тысяч польских рабочих, преимущественно горняков, из округа Па-де-Кале.

ВОЗДУШНЫЕ КАТАСТРОФЫ В РУМЫНИИ И ВЕНГРИИ.

ВЕНА, 28 августа. (ТАСС). Близ Будапешта упал и разбился самолет. Летчик погиб.

ВЕНА, 28 августа. (ТАСС). Близ Брашова (Румыния) потерпел аварию самолет. Летчик капитан Губерт погиб.

Иностранная хроника.

✻ В Грудзендзе (Польша) забастовало 1.500 рабочих калошной фабрики в знак протеста против увольнения заводского комитета.

✻ Забастовка 6 тыс. рабочих шелковых и чулочных фабрик в Лодзи продолжается.

✻ Из Бессарабии высланы румынскими властями два пастора, германские подданные, которые вели в Румынии национал-социалистскую пропаганду.

✻ Американская журналистка Льюис, высланная германским правительством из Берлина, прибыла в Париж. В беседе с журналистами она указала, что причиной высылки послужила ее статья о Гитлере, напечатанная два года назад. По словам журналистки, Германия произвела на нее впечатление огромной тюрьмы.

✻ Персия известила секретариат Лиги наций о намерении выдвинуть свою кандидатуру в Совет лиги вместо Китая.

✻ В Берлин выехала финляндская комиссия для переговоров о торговых расчетах между Германией и Финляндией.

РАССЛОЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ДЕРЕВНИ.

БЕРЛИН, 27 августа. (Соб. инф. «Правды»). Выходящий в Праге журнал «Нейе вельтбюне» публикует большую статью о положении германского крестьянства под заголовком «Крестьяне пробуждаются». Статья дает яркую картину роста недовольства крестьян национал-социалистским режимом. Этот режим обманул их ожидания и не выполнил ни одного из своих обещаний. Прежде всего, не выполнено обещание дать крестьянам землю.

«Многие тысячи крестьян-бедняков, — пишет «Нейе вельтбюне»,—надеялись, что получат землю, столько раз обещанную им на собраниях. После отставки Гугенберга и назначения Дарре они ожидали раздела крупных имений и прекращения скандала с так называемой «восточной помощью» (государственные субсидии крупным помещикам. Ред.). Фактически ничего не было сделано. Земля попрежнему остается во владении крупных помещиков и кулаков. В Мекленбурге две трети земельной площади сосредоточено в руках крупных помещиков и 28 проц. остальной земли — в руках кулаков. В Померании помещики владеют половиной, а кулаки — одной третью всей земли. В Восточной Пруссии половина провинции принадлежит кулакам, а две пятых всей территории — помещикам. В Гессене в руках помещиков находится половина всей земли...» и т. д.

Большое недовольство крестьян вызвал также так называемый закон о наследстве, по которому крестьянский двор и хозяйство наследует только старший сын. Закон этот, официально стремящийся воспрепятствовать раздроблению крестьянских владений, по словам журнала, издан Дарре «из военно-политических соображений, — как о том пробалтывались некоторые его технические эксперты».

«Крестьян раздражает, — пишет «Нейе вельтбюне», — что старший сын один только наследует крестьянский двор, младшие же дети остаются обездоленными».

Этих обездоленных крестьянских детей берет под свою «опеку» Дарре. Он ввел так называемую «премию за верность». Эта премия выдается в качестве пособия молодым крестьянам, соглашающимся переселяться на новые земли. Но, чтобы получить эту премию, крестьянин должен предварительно отслужить определенное время в рейхсвере. «Нейе вельтбюне» цитирует одно правительственное распоряжение, горько сетующее на то, что на фронтах во время мировой войны крестьянская молодежь составляла 40 проц. всех погибших, рейхсвер же ни разу во время последних наборов не мог навербовать в свой состав свыше 12 проц. крестьян.

«Будущее и настоящее Германии, — цитирует журнал этот документ,—обеспечено только в том случае, если мы установим тесную связь между плугом и мечом... Как раз служба в рейхсвере дает хозяйственно-слабой молодежи возможность, получив премию за верность, скопить себе необходимый начальный капитал. Для того, чтобы наша политика в восточных районах увенчалась полным успехом, нужно добиться такого синтеза плуга и меча».

Пока-что этот синтез «плуга и меча» вызвал лишь дальнейшее расслоение деревни и раздоры в крестьянских семьях.

«В крестьянских дворах, — пишет «Нейе вельтбюне», — идет борьба. Старшие сыновья, разумеется, тяготеют к национал-социалистам, младшие же не чувствуют ни малейшей охоты отказаться от хозяйства и проводить долгие годы под ружьем. Поэтому оппозиция в деревнях с весны текущего года растет лихорадочным темпом... Во многих крестьянских домах старшие сыновья только с помощью постоянной личной охраны штурмовиков ограждают себя от ярости своих братьев».

Недовольство крестьян усиливается в связи с тяжелыми условиями кредита, ибо банковские и государственные кассы щедро открываются только для помещиков и кулаков. Весной текущего года часть крестьян получила кредиты в размере стоимости предполагаемого урожая под залог этого урожая. Но... «урожай оказался плохим, и крестьяне теперь проклинают эти кредиты, потому что не могут платить проценты».

Сейчас кредиты крестьянам совсем закрыты, ибо денег больше нет. «Аграрная политика Дарре потерпела крушение»,— этими словами «Нейе вельтбюне» кончает свою статью.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОЛЬСКИХ КРЕСТЬЯН.

ВАРШАВА, 27 августа. (Соб. инф. «Правды»). «Иллюстрованны курьер цодзенны» публикует ряд материалов, свидетельствующих о росте революционного движения в польской деревне. Газета цитирует слова одного крупного помещика Жешовского уезда (Краковское воеводство):

«В настоящее время, — пишет этот помещик, — нельзя жить в деревне. Люди, которые живут там, в особенности ксендзы, начальники почтовых управлений, купцы, учителя, богатые крестьяне и помещики не спят по ночам, жгут свет, строят укрепления, обивают железом двери, нанимают специальных сторожей для охраны своего имущества. Оружие бесполезно, ибо разве можно защищаться одним револьвером против десяти людей, вооруженных винтовками».

Газета сообщает, что один из помещиков в районе Цеплиц вынужден был нанять специальный охранный отряд, при чем сам помещик вместе с сыном в укрепленном своем доме спят с револьверами под подушками. Но даже эти меры, по признаниям газеты, не в состоянии приостановить движение.

Газета сообщает из Ясельского уезда, что обнищавшие крестьяне «грабят» помещичье и кулацкое добро. «Грабят все — свиней, скот, хлеб из амбаров, из скирд, сено и т. п. Ночью в деревнях слышны песни и выстрелы из револьверов или обрезов».

Газета призывает к усилению репрессий против революционного крестьянского движения.

С МОЛОТКА.

ВЕНА, 27 августа. (ТАСС). Как сообщают из Белграда, югославское правительство издало закон, лишающий крестьян возможности выплачивать свои долги государственному банку в рассрочку — в течение 12 лет, как это было установлено раньше, и обязывающий крестьян немедленно уплатить эти долги.

Этот закон неминуемо приведет к массовой распродаже имущества несостоятельных крестьян с молотка.

„Буржуазные перерожденцы возглавляют райком“.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ИВАНОВСКОГО ОБКОМА.

5 августа 1934 г. в «Правде» была напечатана корреспонденция «Буржуазные перерожденцы возглавляют райком». В связи с этой корреспонденцией Ивановский обком ВКП(б) принял постановление, в котором говорится:

«Обком ВКП(б) считает, что в корреспонденции «Правды» «Буржуазные перерожденцы возглавляют райком» совершенно правильно вскрыты причины срыва хозяйственно-политических кампаний в Юрьев-Польском районе.

Состояние юрьев-польской партийной организации совершенно неудовлетворительно. В работе организации не нашли никакого отражения решения июньского пленума ЦК ВКП(б).

Руководство районной парторганизации не обеспечило действительной подготовки к уборке (плохой ремонт с.-х. инвентаря, отсутствует борьба с потерями, не организован сбор колосьев, жнейки работают без зерноуловителей и т. д.), вследствие чего район отстает в уборке урожая: на 15 августа сжато яровых и озимых культур 49,9 проц., обмолочено озимых и яровых 18,7 проц., вытереблено льна 11,19 проц.

Плохо работают хозяйственные организации. В «Союзмолоко» произведено большое разбазаривание масла. Неудовлетворительное состояние кооперации в районе: за 1934 г. растрачено 22.993 рубля, имеется просроченных счетов на 68 тыс. рублей, неоплаченных счетов на 60 тыс. рублей и долгов кооперация имеет на 127 тыс. рублей.

В финансовой работе имеют место недообложение кулацких хозяйств сельхозналогом и нарушение финансовой дисциплины.

Все это является следствием того, что в районе отсутствуют партийная работа и большевистская самокритика. Руководство и метод работы в районе характеризуются администрированием, бессистемностью и наскоками.

Секретарь райкома Карабухин вместо того, чтобы организовать коммунистов и колхозников на борьбу за реализацию решений партии, развернуть в партийной организации идейно-политическую работу, сам по-настоящему не работал, а больше занимался своими личными делами (уход за домашней птицей, огородом, хождение по магазинам для личных надобностей, попытка продажи ризы в Торгсин), устраивал выпивки с руководящими работниками района, сползая на путь обывателя и буржуазного перерожденца.

Обком считает, что с его стороны не был обеспечен достаточный контроль за выполнением юрьев-польским райкомом решения бюро обкома от 15 августа 1933 года.

Исходя из этого, обком постановляет:

1. Секретаря юрьев-польского райкома ВКП(б) т. Карабухина за невыполнение партийных директив и антипартийное поведение в районе снять с работы, об'явить ему выговор с предупреждением, запретить на два года занимать руководящую работу.

Пред. рика т. Морозова, как не обеспечившего руководство районом и за участие в пьянках снять с работы, об'явив выговор.

Члену бюро райкома т. Штамберг за недостаточную бдительность, как начальника райотдела НКВД, поставить на вид.

Зам. секретаря райкома т. Частухина, как не справившегося со своими обязанностями, снять с работы.

2. Обязать тт. Ельзова и Епанешникова совместно с райкомом в декадный срок проверить весь руководящий состав партийных, советских, хозяйственных и других организаций района и в тот же срок представить на утверждение обкома группу работников для посылки на постоянную работу в район.

3. Обязать председателя райпотребсоюза т. Серова в декадный срок провести проверку райпотребсоюза и оказать ему необходимую помощь.

4. За волокиту с делом Чуркина, Акимова и Шумиловского, злоупотреблявших денежными средствами райкома, тт. Драгунскому и Волкову поставить на вид и обязать их в декадный срок провести судебный процесс».

(Передано по телефону).

О СТАТЬЕ В «ПРАВДЕ» «ПОДХОДЯЩИЙ РЕДАКТОР».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СРЕДНЕВОЛЖСКОГО КРАЙКОМА ВКП(б) ОТ 16 АВГУСТА.

1. Критику «Правды» по поводу назначения Пищальникова редактором «Колхозной газеты» считать правильной.

2. Зав. сельскохозяйственным отделом крайкома ВКП(б) тов. Ксенофонтову за то, что он при выдвижении Пищальникова на данную работу руководствовался только данными о прошлой работе Пищальникова (занимавшего ряд ответственных должностей на партийной и газетной работе, в том числе и в Самаре), и не проверившему данных о работе Пищальникова за последнее время перед назначением на должность редактора, а также не проверившему его партийных документов,—поставить на вид.

3. Отметить, что Пищальников, получивший в августе 1933 года от Замоскворецкого районного комитета партии временное удостоверение за № 27, удостоверяющее о его членстве в партии с 1918 года и об утере его билета за № 0348829, хотя и платил членские взносы, но ничего не сделал для обмена этого удостоверения после его просрочки 1 ноября 1933 г., а также и для восстановления утерянной им учетной карточки.

4. В дополнение к решению крайкома от 11 августа за исключительно небрежное, непартийное отношение к восстановлению партийных документов, а также за допущение политических ошибок, являющихся следствием непартийного отношения к работе, что отмечено в статье «Правды» и постановлении крайкома от 11 августа с. г., — Пищальникова из партии исключить.

Секретарь крайкома ВКП(б)
В. ШУБРИКОВ.

Выплавка металла за 26 августа.

(в тоннах).

	Чугун.	Сталь.
План.	31.000	28.500
Выплавлено.	29.235	27.363
% выполнения.	94,3	96,0

Готовый прокат за 26 августа.

(в тоннах).

План.	Прокатано.	% плана.
20.000	19.165	95,8

Добыча угля по Союзу за 25 августа.

(в тоннах).

План.	Добыто.	% плана.
271.361	252.035	92,9

Добыча угля в Донбассе за 26 августа.

(в тоннах).

План.	Добыто.	% плана.
173.000	161.887	93,6

Добыча и сушка торфа на 25 августа.

(в тыс. тонн).

Добыто с начала сезона.	Высушено с начала сезона.	% от добытого торфа.
10.917,7	7.028,1	64,4

РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ 26 АВГУСТА.

ДОРОГИ.	Погружено. Вагонов.	Погружено. % выполнения плана.	Выполнение норм обмена вагон. в %. Принято с соседних дорог.	Выполнение норм обмена вагон. в %. Сдано соседним дорогам.	% обеспечения вагонами.
Закавказская (нач. т. Розенцвейг)	1.938	110	122	77	107
Западная (нач. т. Жуков)	2.131	103	96	107	105
Мурманская (нач. т. Ледник)	1.518	101	107	86	99
Южная (нач. т. Зорин)	1.421	104	85	93	92
М.-Окружная (нач. т. Петриковский)	325	93	94	99	99
Северная (нач. т. Амосов)	2.492	84	95	102	103
М.-Бел.-Балт. (нач. т. Русанов)	1.242	84	103	104	113
Северокавказская (нач. т. Лившиц)	4.631	111	78	90	104
Екатерининская (нач. т. Билик)	7.258	102	84	86	103
М.-Казанская (нач. т. Кучмин)	2.530	89	101	85	106
Юго-Восточная (нач. т. Житков)	2.566	79	87	89	91
М.-Курская (нач. т. Карпенко)	2.482	92	93	87	108
Донецкая (нач. т. Левченко)	6.914	82	88	82	89
Октябрьская (нач. т. Синев)	2.247	78	102	91	111
Оренбургская (нач. т. Пошивалин)	342	82	95	77	97
Турксиб (нач. т. Четвергов)	260	104	61	69	79
Юго-Западная (нач. т. Друскис)	3.014	86	86	84	103
Пермская (нач. т. Миронов)	2.483	92	72	89	101
Забайкальская (нач. т Осипов)	855	155	76	42	127
Ряз.-Уральская (нач. т. Кавтарадзе)	1.337	88	87	70	101
Сам.-Златоустовская (нач. т. Ковылкин)	1.080	81	72	90	102
Среднеазиатская (нач. т. Прокофьев)	1.219	117	78	66	122
Омская (нач. т. Базулин)	661	91	90	63	105
Южно-Уральская (нач т Князев)	1.554	87	75	85	113
Томская (нач. т. Дьяков)	2.791	86	59	74	90
Восточносибирская (нач. т. Голышев)	793	98	59	61	105
Уссурийская (нач т. Лемберг)	1.176	86	44	76	113
Погружено всего	57.260	92	—	—	103
Разгружено »	55.533				

ПОГРУЗКА ВАЖНЕЙШИХ ГРУЗОВ.

Уголь	213.133	тонны	или	92	проц.	плана
Кокс	16.716	»	»	100	»	»
Руда	65.998	»	»	102	»	»
Флюсы	18.608	»	»	97	»	»
Соль	11.454	»	»	79	»	»
Металл	2.519	вагонов	»	110	»	»
Хлеб	6.142	»	»	86	»	»
Лес	4.947	»	»	87	»	»
Нефтепродукты	5.790	»	»	108	»	»

НОВЫЙ ХАРЬКОВ.

Фото Анурова.

На площади имени Дзержинского рядом с Домом промышленности выстроен Дом проектов. Сейчас заканчивается внутренняя отделка здания. На снимке: общий вид площади Дзержинского, справа — Дом промышленности, слева — Дом проектов.

Документы из деятельности Конституанты.

ЛЕНИНГРАД, 28 августа. (Корр. «Правды»). В Академии наук проверена французская коллекция, состоящая из большого собрания брошюр (18 томов) на французском языке. Они были куплены инж. Шпагиным несколько лет назад на одном из московских рынков. Продавец заявил, что у него были еще тома, но он не знал, что с ними сделать, и сжег их вместо дров.

Коллекция представляет большую историческую ценность. В основном это — собрание официальных документов, относящихся к периоду деятельности Конституанты (первое Национальное собрание 1789—1791 гг.). Наибольшая часть брошюр (178 названий) содержит доклады, сообщения, отчеты, представленные в Национальное собрание депутатами от имени комитетов: финансового, земледелия и торговли, военного, морского, юриспруденции, призрения бедных, отчуждения имуществ и других.

Следующая по количеству группа брошюр — 50 названий—содержит официальные обращения к Национальному собранию различных лиц, в частности представителей Парижской коммуны, офицеров муниципальной гвардии, приходских священников, жителей отдельных городов и департаментов.

Остальные брошюры состоят из декретов Конституанты, писем, проектов и т. д. Особый интерес представляют брошюры, содержащие проект конституции и проект «Декларации прав человека и гражданина» в двух вариантах.

Биологическая ассоциация Академии наук переезжает в Москву.

ЛЕНИНГРАД, 28 августа. (Корр. «Правды»). Началась отправка в Москву институтов и лабораторий биологической ассоциации Академии наук. В первую очередь переводятся институт генетики академика Н. И. Вавилова и микробиологическая лаборатория академика Г. А. Надсона, лаборатория биохимии и физиологии растений академика А. А. Рихтера, лаборатория биохимии и физиологии животных академика А. Н. Баха, лаборатория экспериментальной зоологии и морфологии академика Н. В. Насонова и палеозоологический институт академика А. А. Борисяка.

Участники перелета Москва—Иркутск—Москва у т. Алксниса.

Начальник военно-воздушных сил РККА тов. Алкснис принял вчера участников недавно закончившегося перелета легкомоторных самолетов Москва—Иркутск—Москва, организованного по инициативе ЦС Осоавиахима и «Правды».

Командир перелета тов. Гот-Гарт, участники перелета и присутствовавший на приеме конструктор «АИР» тов. Яковлев рассказали тов. Алкснису о том, как прошел перелет, и о выявленном во время перелета качестве «АИР».

Резюмируя выступления участников перелета, тов. Алкснис подчеркнул, что сейчас во всю ширь ставится вопрос о создании легкомоторной советской авиации. Конструктивные, производственные и эксплуатационные недостатки самолетов и установленных на них моторов, выявленные в результате перелета, должны быть изжиты как можно скорее. (Роста).

Собрание партактива, посвященное Международному юношескому дню.

ЛЕНИНГРАД, 28 августа. (Корр. «Правды»). Сегодня во Дворце Урицкого состоялось общегородское собрание партийного актива Ленинграда, посвященное XX МЮД. С докладом о международном юношеском дне выступил секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Косарев, встреченный бурными аплодисментами переполненного зала.

Тов. Косарев рассказал о той борьбе, которую ведет революционная молодежь всего мира под знаменами Коминтерна и КИМ за диктатуру пролетариата, против фашизма и растущей опасности новой войны.

После доклада тов. Косарева выступил тов. Бела Кун.

Собрание приняло резолюцию и послало приветствие товарищу Сталину.

Выставка служебного собаководства.

Десятилетняя работа Осоавиахима по связному, санитарному и розыскному собаководству наглядно показана на всесоюзной выставке, открытой вчера в Москве на стадионе-автозавода им. Сталина.

На выставке — 450 собак с лучшими аттестациями. Здесь — грациозные доберман-пинчеры, добродушные эрдель-терьеры, немецкие лайки, немецкие, кавказские, туркменские овчарки, рослые доги, шелковистые шотландки, тупомордые бульдоги.

Собаки выставлены 60 фабрично-заводскими ячейками Осоавиахима, 70 совхозными и колхозными ячейками и несколькими городскими осоавиахимовскими питомниками.

ПЕРВЫЙ ХЛОПОК.

АШХАБАД, 28 августа. (Корр. «Правды»). На хлопковых полях раннего сева в Теджексном районе (Туркмения) началась уборочная. Сегодня колхозы «Ударник», им. Буденного, им. Калинина, им. Ворошилова привезли на 62 верблюдах в Теджен 13.228 килограммов первого хлопка. Колхозники назвали красный караван именем первого республиканского животноводческого с'езда, который сейчас проходит в Ашхабаде. Сданный сырец—высокого качества, волокно вполне вызревшее, нормальной влажности.

НОВЫЕ ТОВАРЫ.

Московский велозавод начинает выпускать дамские велосипеды. До конца года завод выпустит их до 5 тысяч штук. Авиозаводы готовят в своих утильцехах первую партию педальных детских автомобилей. Скоро поступят в московские магазины электрические пылесосы. Их начал производить Ярославский завод электрических бытовых приборов.

Московский магазин музыкального треста получает в последнее время пианино улучшенного качества из ленинградской фабрики «Красный Октябрь» (бывш. Беккер). Пианино отличаются хорошей отделкой, лучшим звучанием. В небольшом количестве поступают также пианино, отделанные под красное дерево, с клавиатурой из слоновой кости (вместо накладного галалита).

РАДИОСВЯЗЬ КИЕВ — ВАШИНГТОН.

КИЕВ, 28 августа. (ТАСС). Киевский коротковолновик т. Безухов установил двустороннюю радиосвязь с городом Вашингтоном (США). Слышимость была хорошая.

3:0 В ПОЛЬЗУ ТУРЦИИ.

ОДЕССА, 28 августа. (Корр. «Правды»). Сегодня состоялся футбольный матч между командами Турции и Одессы. Матч выиграли турецкие футболисты со счетом 3 : 0.

Воздушный поезд Москва—Коктебель прибыл в Харьков.

По сведениям, полученным управлением авиации Центрального совета Осоавиахима, воздушный поезд в составе трех планеров на буксире самолета «П-5», вылетевший из Москвы в Коктебель 27 августа, в этот же день опустился на Харьковском аэродроме. Путь от Москвы до Харькова в 760 километров покрыт в течение 5 ч. 30 мин. летного времени при средней скорости 138 километров в час.

В телеграммах-вымпелах, сброшенных с борта самолета над Тулой, Орлом, Курском и Белгородом, командир поезда тов. Минов подтверждает выдающиеся летные качества пятиместного планера «ГН-4», находящегося в составе этого воздушного поезда.

ТУННЕЛИ ПРОЙДЕНЫ БЕЗ НАРУШЕНИЯ УЛИЧНОГО ДВИЖЕНИЯ.

Управление Метростроя отметило успешную проходку туннелей шахт №№ 33—35 и 38—40 (участок под Крестовоздвиженским переулком, Арбатским рынком и началом Арбата). Несмотря на исключительно тяжелые условия работы, туннели пройдены без нарушения уличного движения. Шахта № 33—35 произвела проходку туннеля под домом путем сложной подвески здания с помощью металлических балок, специальных вспомогательных бетонных столбов, гидравлических домкратов и т. д.

Предложенный главным инженером арбатского радиуса тов. Ломовым траншейный способ на Арбате также дал хорошие результаты.

Руководители шахт № 33—35 и 38—40 и начальники участков премированы. (Роста).

ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАКСИМА ГОРЬКОГО НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.

Немецкая секция «Издательского товарищества иностранных рабочих в СССР» выпустила к всесоюзному с'езду писателей «В людях» А. М. Горького. Книга выходит как V том «Избранных произведений» Горького. Остальные тома, которые появятся частью еще в этом, частью в будущем году, будут содержать «Мать», «Дело Артамоновых», «Детство», «Мои университеты», рассказы, очерки, воспоминания.

Первый том откроется критико-биографической статьей Груздева. Тщательно выверенный перевод и безукоризненное, высоко культурное оформление придают крупному начинанию издательства особую ценность.

КМОХ ПРОИГРАЛ РОМАНОВСКОМУ.

ЛЕНИНГРАД, 28 августа. (Корр. «Правды»). Сегодня в 9-м туре турнира шахматных мастеров СССР Юдович неожиданно быстро выиграл у Алаторцева.

Партия Лисицын — Эйве окончилась вничью.

Рюмин одержал победу над Чеховером.

После перерыва Кмох, не приступая к игре, сдался Романовскому. Вничью закончилась партия Ботвинник—Кан. Осталась недоигранной партия Левенфиш—Рабинович.

Сегодня же доигрывалась партия четвертого тура Лисицын—Рюмин. В абсолютно безнадежном положении Лисицын снова отложил партию.

После девятого тура впереди—Романовский, набравший 5½ очков из 8. За ним Рюмин (5 из 8), Эйве (4½ из 8), Кмох (5 из 9).

РЫБТРЕСТ, КОТОРЫЙ РЫБОЙ НЕ ЗАНИМАЕТСЯ.

СТ. ЧУ, ТУРКСИБ, 28 августа. (По телеграфу от спец. корр. «Правды»). Озеро Балхаш необычайно богато рыбой. Но существующие промысла находятся на расстоянии нескольких сот километров от железной дороги. Поэтому московские организации послали на Балхаш специальную автомобильную экспедицию для перевозки рыбы с дальних промыслов к железнодорожной магистрали.

7 августа машины экспедиции прибыли на ст. Эспе и приступили к работе. С промыслов перевезено к Турксибу и отгружено в Москву 260 тонн рыбы.

Но первые же дни работы экспедиции показали, что промысла абсолютно не подготовлены к бесперебойной выдаче рыбы. Ежедневно из-за отсутствия груза бесполезно простаивает треть наших машин. Рыба с дальних промыслов Бурабайтал подвозится трестовским флотом в недостаточном количестве; рыбу, имеющуюся на месте, трест не успевает обрабатывать.

Печальные уроки прошлого года ничему не научили Балхашрыбтрест. Он попрежнему не руководит промыслами, не помогает им, игнорирует работу экспедиции. Все это вместе взятое ставит под удар план вывоза рыбы для рабочих Москвы.

Нач. Балхашской экспедиции
А. МИРЕЦКИЙ.

ОТОВСЮДУ.

(От корреспондентов «Правды» и ТАСС).

Первый номер сатирического журнала «Под барабан» вышел на харьковском заводе «Серп и молот». Журнал хорошо иллюстрирован.

Египетскую мумию X века приобрел историко-геологический музей в Одессе. На мумии хорошо сохранилась роспись чрезвычайно тонкой работы.

Первая художественная школа для взрослых открывается при доме рабочей самодеятельности завода «Красный путиловец». В школу зачисляются отличившиеся участники смотра рабочих дарований.

Слет планеристов закончился в Иванове. Первенство за лучший полет завоевала группа планеристов под руководством инструктора Чеботарева.

Океанографическая экспедиция в составе 40 биологов, гидрологов и других ученых начала работать на Каспии. Экспедиция располагает 6 морскими судами. Цель экспедиции — промышленная разведка рыбы и океанографическая с'емка Каспийского моря.

Изотовский университет выходного дня организован в Хибиногорске на апатитовом руднике им. Кирова. В программе университета — горное дело, физика, математика, химия, литература и обществоведение.

Большие залежи воздушно-сухого торфа, годного на топливо, обнаружены в Армении.

БОЛЬШИЕ УСПЕХИ МАЛЕНЬКИХ СПОРТСМЕНОВ.

400 лучших учеников московских школ, детей, занимающихся физкультурой, участвовало в третьей городской детской спартакиаде, посвященной началу учебного года. В течение трех дней детские спортивные коллективы десяти районов Москвы боролись за превосходство на беговой дорожке, волейбольной площадке и в водном бассейне.

Молодые участники спартакиады показали совсем «взрослые» результаты.

Тамара Сеченова, ученица одной из школ Бауманского района, вчера, в финальный день соревнований, блеснула богатой техникой бега. 60 метров Сеченова пробежала в 8,1 сек.! Такого результата в этом году не добилась ни одна взрослая спортсменка Москвы. Никто из взрослых москвичек не побил и время Кисловой, отставшей на 0,1 сек. от Сеченовой.

Значительные успехи и у мальчиков. Лева Хинчук прыгнул в высоту на 160 см. Конюшин бросил гранату за 60 метров. Степанченков прыгнул в длину на 5 метров 79 сантиметров.

Общее первенство спартакиады выиграли юные спортсмены Фрунзенского района. В соревнованиях по волейболу победили мальчики Сокольнического и девочки Фрунзенского района.

Большой театр в зимнем сезоне.

1 сентября приступает к работе после летнего сезона Большой театр. Сезон открывается спектаклем для международного театрального фестиваля. Идет опера Бородина «Князь Игорь».

Второй спектакль для театрального фестиваля—балет Чайковского «Лебединое озеро» — состоится 3 сентября.

В нынешнем году Большим театром будет осуществлена новая постановка оперы Римского-Корсакова «Садко». Постановка осуществляется заслуженным деятелем искусств В. Лосским, вернувшимся в Большой театр после нескольких лет работы на периферии.

Другой новинкой зимнего сезона является возобновление оперы Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже». Постановка Нардова. Дирижер — заслуженный деятель искусств Голованов. Декорации сделаны по эскизам академика Коровина.

Балет Чайковского «Спящая красавица» будет показан в новой постановке Касьяна Голейзовского. Художник — И. Рабинович. Дирижер — заслуженный деятель искусств Файер.

Кроме того, в течение зимнего сезона театр осуществит новую постановку балета «Три толстяка» Оранского. В первой половине сезона (для юбилейного спектакля балетного техникума) будут показаны фрагменты нового балета. Затем, по окончании всех работ над постановкой, балет войдет в репертуар уже целиком.

Постановка «Трех толстяков» поручена И. Моисееву. Художник — Матрунин. Дирижер — засл. деятель искусств Файер.

Филиал Большого театра (быв. Экспериментальный) открывается также 1 сентября. Идет опера Даргомыжского «Русалка».

В репертуар филиала включены две новые оперы, премированные на конкурсе Большого театра: «Именины» Желобинского и «У перевоза» Гедике.

В новом сезоне филиал покажет еще оперу Шостаковича «Катерина Измайлова» в постановке Н. Смолича и «Севильский цирюльник» Россини в новой постановке Баратова.

ИЗВЕЩЕНИЕ.

1 сентября 1934 года на Красной площади состоится общемосковская демонстрация комсомола и рабочей молодежи, посвященная 20-му международному юношескому дню.

Начало демонстрации—в 18 ч. 45 м.

НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ ПРОХОДЯТ:

По своим мандатам:

Члены и кандидаты в члены Исполкома Коминтерна.
» ЦК ВКП(б) и кандидаты в члены ЦК ВКП(б), Ц. Ревизионной Комиссии ЦК ВКП(б) и Комиссии Партийного Контроля.
» МОК ВКП(б) и МГК ВКП(б), кандидаты в члены МОК ВКП(б) и МГК ВКП(б), члены ревизионных комиссий МОК ВКП(б) и МГК ВКП(б).
» ИККИМ.
» ЦК ВЛКСМ.
» МОК и МГК ВЛКСМ.
» ЦИК СССР, ЦИК Союзных Республик и Комиссии Советского Контроля.

Начальники Центральных управлений Наркомата Обороны и члены Реввоенсовета МВО.

Члены Совнаркома СССР и РСФСР.
» Президиумов Мособлисполкома и Моссовета.
» Исполбюро Профинтерна и Крестинтерна.
» Президиумов ВЦСПС, МОСПС и МГСПС.
» Общества старых большевиков.

Остальные товарищи проходят по пригласительным билетам.

Пропуск на Красную площадь только через пункты, указанные на пригласительных билетах.

Прекращение пропуска на Красную площадь в 18 ч. 30 м.

МК и МГК ВЛКСМ.

Уполномоч. Главлита № В—96583. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Издат. № 753.